

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

27253

50

WIDENER LIBRARY

HX 6С6F 3

27253
50

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT

CLASS OF 1828

00-1 00-01

A. 7631. = n-3.-

1. *Phacelia*, *Phacelia* *sp.* *sp.* *sp.*
2. *Phacelia*, *Phacelia* *sp.* *sp.* *sp.*
3. *Phacelia*, *Phacelia* *sp.* *sp.* *sp.*

Phacelia, *Phacelia* *sp.* *sp.* *sp.*

Phacelia, *Phacelia* *sp.* *sp.* *sp.*

Phacelia

Phacelia

КУЗЪ-КУРПЯЧЬ.

БАШКИРСКАЯ ПОВѢСТЬ,

писанная

на Башкирскомъ языкѣ

однимъ Курайчемъ

и переведенная на Россійскій въ долинахъ горъ

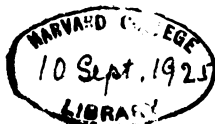
Рифейскихъ 1809 года.

КАЗАНЬ

въ Университетской типографіи

1812.

27253.50

Minot fund.

Печаташь дозволяется,

съ тѣмъ, что бы по оппечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурной Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библиотеки и одинъ для Императорской Академіи наукъ. Юля 6 дня, 1812 года. По назначенію Цензурнаго Комитета, при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ учрежденнаго, сію книгу читалъ

Адъюнктъ Петръ Кондыревъ.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Живучи между Башкирцами, случилось мнѣ прочесть на ихъ языкѣ рукопись подъ названіемъ: *Кузъ Курплатъ, Башкирская повѣсть*, изъ которой многія пѣсни слыхалъ я прежде опъ Курайчевъ*). Новость заглавія, особый образъ мыслей и выражений, частію обычаи ихъ, шупъ помѣщенные, а болѣе всего проспоша ихъ нравовъ и безкорыстіе показали мнѣ любопытными и заставили меня перевесть ее на Россійской языкъ.

Не извѣстно, когда она писана; но изъ приношенія сочинителя, которое также при переводѣ помѣщаю, видно, что она собрана изъ пѣсенъ и изустныхъ преданій поэпомъ — испорикомъ Башкир-

*) Курайчи были у Башкирцевъ тоже, что въ древности у Грековъ пѣснопѣвцы, которые до изобрѣтенія писменъ слагали пѣсни на достопамятныя происшествія въ похвалу героевъ своихъ и предавали оныя попомшву.

скимъ Курайчемъ. Въ немъ онъ говоритъ, что писалъ сію сказку въ угодность одной особы любившей Башкирцевъ, которую онъ называетъ сыномъ Осмиродца.

Не всякому, можетъ быть, извѣстенъ Башкирскій народъ, даже и по названію своему, а особливо по древнимъ своимъ правамъ и обычаямъ, въ которыхъ нынѣ и сами Башкирцы не узнаютъ себя. Почему и надѣюсь, что переводъ мой найдеть хотя немногихъ любителей отечественной древности *), которые пожелаютъ прочесть оный. Но удалось ли мнѣ сдѣлать такимъ переводъ, каковъ подлинникъ, оставляю на разсужденіе читателей.

*) Башкирскій народъ покорился Россійской державѣ еще въ XV столѣтіи при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ грозномъ. Съ того времени и до нынѣ пребываетъ подъ единовластіемъ бѣлыхъ Падшей, т. е. Россійскихъ Государей.

ПРИНОШЕНІЕ КУРАЙЧА

Сыну Осмиродца:

Принять не успѣдися
 Немногіе листы!
 Въ нихъ нѣтъ ни подлой лести,
 Ни низкія хвалы.

Твоей забавы ради
 Я повѣсть написалъ,
 Члюбъ ты любя Башкирцевъ
 Въ свободный часъ чипалъ:

А часъ одинъ тобою,
 Усердіемъ моимъ,
 Пріятно проведенный
 Мнѣ радостнѣй весны *):

Изустныя преданья
 Отъ праѣдовъ собравъ;
 Двухъ батырей дѣнья
 Писанью предалъ я.

*) Въ подлинникѣ написано: „мнѣ радостнѣй пишашельнаго дѣня“, означая тѣмъ радость свою, что по претерпѣннй зимней спужѣ и года дода, начинаютъ пить кумызъ, ш. е. кобыльѣ заквашенное молоко.

Ихъ нравы просподушны
 Не кистью мадевалъ;
 Невинность обнаженну
 Безъ замысловъ писаалъ.

Курайчамъ подражая,
 Гдѣ надобно, гудѣлъ;
 Башкирцамъ угождая,
 Въ цыныхъ мѣстахъ шушилъ.

Опцемъ швоимъ любимый
 Описывалъ народъ:
 Онъ другомъ былъ народа,
 Народъ его любилъ.

Я бодшей изъявиши
 Не могъ ему любви,
 Къ семи родамъ причисля,
 Осмымъ его назвашь.

Да будешь онъ блаженнымъ
 Въ селеніяхъ Аллы (1);
 Тебѣ же даръ довлѣшъ
 Великаго Падши (2).

(1) Богъ. (2) Государь или Монархъ.

Да радуешся сердцемъ
 Въ преклонныхъ ты лбахъ;
 Сыны въ благихъ маслѣдахъ
 Да дѣду и ошчу!

Три башыря *) младше
 На родинѣ своей,
 Какъ крины сельны въ волѣ,
 Красуяся цвѣшущь,

Родителю въ упѣху,
 На вѣрный долгъ Падшѣ,
 Отчеству въ зацщиту,
 На славу, честь себѣ.

Твои на пасивѣ кони
 Играющь, въ верхъ хвосты,
 На вѣперъ вскинувъ гривы,
 И скачущь, какъ олень.

Да будетъ тучно стадо
 На пажити швоей,
 И множась плодовито,
 Каймакъ *) даешь и сырѣ.

*) воинъ или богатырь.

*) густое коровье молоко, хорошо уваренное и
 заспуженное.

VIII

И юницы млады,
Упипанны шельцы
Съ друзьями на джинѣ *)
Тебѣ да будущь въ снѣдѣ;

И сѣмя хлѣбородно,
Довѣренно землѣ,
Безвредно прозябая,
Воздасть впоиричный плоды

Пчела да не престанешъ
Пускать тебѣ рои,
И сошы съ сладкимъ медомъ
Забрушениы мосищѣ.

*) Пирѣ

КУЗЬ - КУРПЯЧЬ,
БАШКИРСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ I.

При вершинахъ рѣки Ирпыша жилъ почтеннѣйшій въ родѣ Башкирскомъ мужъ, имяновавшійся Карабаемъ. Башкирцы видя одного его кочующаго, присоединились къ нему нѣсколькими кибичками. —

Карабай имѣлъ у себя множество скота, и старался прочихъ своихъ товарищей приохотить къ скоповодству, которое все богатство ихъ составляло. Онъ имѣлъ прехъ женъ; но ни оной изъ нихъ не было дѣшей; и это весьма его печалило. Иногда собравшись съ жителями своего коша (*), ѣздивъ въ степь

*) Кошь, аулъ или кочевье, называется то мѣсто, гдѣ степные народы провождаютъ лѣто въ переносныхъ, кошмами покрытыхъ рѣшеткахъ или кибичкахъ.

Киргизскую ловишь и бишь звѣрей. Удачныя ихъ поѣздки и щастливыя добычи сдѣлали Карабая спрашнымъ охотникомъ до звѣриной ловли. Полагаясь на доброту коня своего, часто удалялся онъ отъ своихъ поварищей, и съ большею прошивъ ихъ добычею возвращался въ ауль свой.

Въ одинъ день, какъ они были на охотѣ, нечаянно попалъ на нихъ арасланъ *). Сей свирѣпый звѣрь, никогда невиданный сими охотниками, принудилъ ихъ всѣхъ отъ бою съ нимъ укрыться. Одинъ только Карабай споялъ, не проганься съ мѣспа. Онъ призываетъ свое мужество, вынимаетъ изъ шула кибирь-спрѣлу, и наложивъ ее на лукъ, его натягиваетъ. Арасланъ бѣя себя хвостомъ по бокамъ, и поднимая спрашную гриву, идетъ тихимъ шагомъ къ башырю, дабы приблизясь, однимъ прыжкомъ на него кинуться. Но Карабай, предупредивъ его, пускаетъ спрѣлу, которая пробивъ на вы-

*) Левъ.

лешъ горшанъ его, положила мерпваго на землю. Карабай брося лукъ свой, кинулся къ араслану, и поднявъ глаза къ небу приносилъ благодареніе Всевышнему. Пока онъ находился въ семь смиреніи, подъѣхали къ нему его поварищи, и удивляясь подикой смѣлоспи, наименовали его башыремъ. Съ этаго самага времени онъ всегда имѣлъ сіе названіе.

Послѣ поль щаспливаго звѣроловства возвратились они въ ауль, гдѣ Карабай башыръ не замѣдлилъ сдѣлать для жителей джінъ. Сперва принесъ онъ опъ чистаго сердца въ снѣдь бѣднымъ лучшую кобылицу изъ косяковъ своихъ, и съ усерднымъ моленіемъ благодарилъ Аллу и Пророка его за помощь въ убіеніи араслана. Къ тому присовокупилъ еще смиренное прошеніе, дабы Магомешъ, сжалясь надъ его безчадіемъ, ходапайсповалъ предъ Всевышнимъ о дарованіи ему сына. Когда всѣ насыпились пищею; по сославили изъ себя кругъ. Преспарълы съли, а молодые люди начали бороться и спрѣлать изъ луковъ; попомъ скакали

на конячъ, и другъ друга стаскивали съ оныхъ. Въ такомъ веселіи провели весь эпошъ день. На закапъ солнечномъ начали уже разходиться, благодаря хозяина за угощеніе; но нечаянный приѣздъ незнакомаго аксакала *) ихъ оспановилъ. Госпи прекрапя шумъ, желали знашь причину его приѣзда. Карабай ласково привѣспивоваль сего незнакомца и спарался его угостить. Между шъмъ любопытные Карабаевы сорпчичи спихо межъ собою переговаривая, ждали услышашъ что нибудь новое. Но наступившая ночь опняла у нихъ сіе удовольствіе, и они съ прискорбіемъ возвратились въ свои кибипки. Карабай оспавшись одинъ съ дочпеннымъ своимъ гостемъ, началъ разговаривашъ съ нимъ о поспороннихъ вещахъ, а потомъ ввелъ его въ кибипку, гдѣ на пригоповленную постелю, покрышую богатыми коврами, просилъ спарца съспъ и успокоиться отъ пужи, не спрашивая о причинѣ его приѣзда. На

*) Аксакалъ значить бѣлобородый. Слмъ именемъ Башкирцы чпашъ стариковъ.

другой день лишь солнце начало появля-
 ться изъ за вершины горы Кара-ташъ*),
 незнакомый пробуждается отъ сна,
 и вставъ съ постели, рассказываетъ о
 причинѣ приѣзда своего сими словами:
 „ Карабай! усердное твое моленіе хода-
 „ шайствомъ Магомета, покровителя
 „ нашего закона, достигло Всевышняго.
 „ Я присланъ отъ Пророка возвѣстить
 „ тебѣ, что родился тебѣ сынъ отъ
 „ жены твоей Алпыши.“ По сихъ словахъ
 спарецъ изчезъ изъ глазъ Карабая. Уди-
 вленіе послѣдняго было чрезмѣрно: онъ
 почелъ сіе небеснымъ предзнаменова-
 ніемъ, и съ радостію ожидалъ щастли-
 ваго тому событія. Вскорѣ попомъ млад-
 шая изъ женъ его сдѣлалась беременною.
 Тогда онъ впорично накормилъ бѣдныхъ,
 въ изъявленіе своей благодарности.

Между тѣмъ слухъ распространив-
 шійся по всемъ Башкирскимъ и Киргиз-
 скимъ ауламъ о львѣ убитомъ Карабаемъ,
 о явившемся ему спарцѣ и о беременно-

*) Гора сія называется такъ по большому чер-
 ному камню, на ней лежащему.

сти жены его возбудилъ желаніе въ лучшихъ бабыряхъ съ нимъ познакомиться. Болѣе всѣхъ желалъ его видѣть и съ нимъ подружиться Киргизскій бабырь Сарабай, желаніе его исполнилось. Онъ нашелъ Карабая на ловлѣ опдѣлившагося опъ своихъ поварищей и при озерѣ Казь - куль *) опдыхающаго опъ прудовъ звѣриной ловли. Сарабай, увидя (нечаянно Ишпяка **) въ спеняхъ своихъ, подумалъ, что сей ѣдетъ на бараншу. И какъ онъ былъ бабырь круаго нрава, то закричалъ Карабаю грубымъ и повелипельнымъ голссомъ: „сей часъ опъ, дайся мнѣ плѣнникомъ, или гошовся, принявъ смерть опъ руки моей! А въ шужь минушу напянулъ лукъ и намѣшилъ въ него спрѣлу. Карабай, не меньше смѣлый и рѣшипельный, въ мигъ вскочилъ на коня своего, и взявъ въ одну руку лукъ, другою наложилъ чепыре спрѣлы вдругъ, и гошовъ былъ опразипъ

*) гусиное озеро.

**) Симъ именовъ Киргизды называютъ башкирцовъ.

своего пропивника. Между тѣмъ Сарабай, видя Ишпяка приговляющагося къ оборонѣ, вскричалъ: „ прежде нежели вышибу „ меня изъ сѣдла, скажи мнѣ свое имя!“— „ я Карабай, гордо отвѣщиваетъ другой. Услышавъ сіе Киргизецъ вдругъ сскриваетъ съ коня своего и къ удивленію Карабая бѣжитъ къ нему, обнимаетъ его коленъ и даетъ знать о своемъ желаніи, которое заставило его всюду ѣздить, дабы съ нимъ увидясь подружиться. После взаимныхъ ласкъ и разговоровъ, Сарабай пригласилъ Карабая къ себѣ въ аулъ, дабы укрѣпить съ нимъ дружбу: на что Карабай охотно согласился и поѣхалъ въ аулъ Сарабаевъ. Дѣти его, видя опца возвратившагося съ незнакомымъ Ишпякомъ, догадывались, что это долженъ быть Карабай бапъыр; въ чемъ и не обманулись, и опецъ ихъ подтвердилъ имъ поже. Они приняли его со всею почтительностію, какая бываетъ у народа Киргизскаго: старшій взялъ коня за узду, другой и прешій вынулъ ногу изъ сѣрмя, приняли Карабая съ коня; двое взявъ подъ руки провожали его къ кибиткѣ

отца своего, который съ другими двумя сыновьями встрѣтя его, посадилъ на подушку, ковромъ покрытую.

Сарабай, залуча въ ауль къ себѣ желаннаго гостя, спарался угостить его со всевозможнымъ усердіемъ, не жалѣя закалать скотовъ для приготовления джінна, на который созвалъ изъ всѣхъ окрестныхъ ауловъ башырей и наѣзниковъ, чпобъ познакомить ихъ съ побѣдителямъ араслана. Тутъ все до послѣдняго пресыщены были мясомъ и кумызомъ; попомъ завели снѣпныя свои игры: борьбу, стрѣляніе изъ луковъ и скачку на коняхъ. Такимъ образомъ продолжался шредневный пиръ, данный Сарабаемъ для друга своего. По испеченіи сего времени все гости разъѣхались, благодаря хозяина за джіннъ, и прославляя храбрость Карабаеву; попомъ и друзья начали прощаться. Неперпѣливый Карабай шоропился домой, дабы успокоить семейство свое и поварищей, бывшихъ съ нимъ на ловль, которые долго искавъ его въ снѣди, возвратились въ ауль, не знаа

шого, что онъ подружась съ Сарабаемъ, уѣхалъ къ нему въ кошъ.

Киргизскій бапърь прощался съ своимъ другомъ, подарилъ ему двухъ лучшихъ аргамаковъ, и велѣлъ ихъ вести Яланбаю, младшему изъ сыновъ своихъ. По шестидневномъ пути приѣхали они въ аулъ Карабаевъ, успокоили семейство его и обрадовали жипелей, которые, видя поварищей его однихъ возвратившихся, въ превеликой были печали. Какъ скоро извѣспились они, что Карабай возвратился въ провожаніи незнакомаго Кыръказака (*); то пошли съ торопливостию къ кибиткамъ его. Радость ихъ привела въ удивленіе сына Сарабаева, и заставила думать, сколь Карабай былъ любимъ и почитаемъ въ своемъ аулѣ. Бапърь увѣдомилъ ихъ о семъ приѣхавшемъ съ нимъ чловѣкѣ и показалъ имъ подаренныхъ ему опцемъ его аргамаковъ. Потомъ разсказалъ о встрѣчѣ своей съ Сарабаемъ, объ его угощеніи, и что онъ

*) Такъ Башкиры называютъ Киргизовъ.

сына своего послалъ провожать его. Карабай угостя Яланбая, при отъѣздѣ его опдарилъ друга своего двумя лучшими аргамаками. Одиго осѣдлалъ спариннымъ Азіатской работы уборомъ; на сѣдло положилъ кафпанъ съ шапкою и покрылъ все двумя богатыми коврами; друга навьючилъ пушевыми припасами: кумызомъ, крупомъ (*) и маеломъ. Сверхъ того подарилъ Яланбаю лукъ со стрѣлами. При прощаніи просилъ его по приѣздѣ въ аулъ свой сказать Сарабаю, что онъ неперпѣливо желаетъ его видѣть у себя гостемъ; а время санара, который бываетъ по первому снѣгу, назначилъ для свиданія при извѣстномъ озерѣ Казькуль. Яланбай благодаря Карабая за угощеніе и подарки, поѣхалъ въ путь свой и чрезъ нѣсколько дней приѣхалъ къ опцу своему, перекочевавшему тогда на другое мѣсто.

Яланбай по приѣздѣ своемъ уведомилъ Сарабая, и вручилъ посланные ему опъ

(*) Крутъ дѣлается изъ коровьяго молока, которое сквасивъ варитъ до тѣхъ поръ, пока сгустится; потомъ сдѣлавъ изъ него небольшія лепешки сушатъ на солнцѣ.

Карабая подарки. Сарабай получа дру-
жескіе опть Карабая знаки; почувспво-
валъ большую радость; и неперѣливо
ожидалъ назначеннаго для ихъ свиданія
времени.

Уже день сей наступалъ, и въ кошѣ
Сарабаевомъ еще все покоилось. Неслышно
было лаянія псовъ, ни ржанія коней, ни-
же мычанія воловъ и блеянія овецъ; но
Сарабай уже пробуждается, вскаки-
ваетъ съ поспели и спѣшишь къ кибип-
камъ сыновей, покоящихся на коврахъ
въ объспіяхъ женъ своихъ. Съ разсвѣ-
томъ дня возбуждаетъ ихъ опть сна и
раздаетъ имъ свой приказанія. Одному
приказываетъ пригнать въ спанъ шабу-
ны; другому отдавая въ руки укрюкъ *);
велишь ловишь лучшихъ коней; преспѣ-
ему сѣдлашь ихъ богатыми уборами; чеп-
вертому взяшь лучшую бѣлыми кошма-
ми покрышую кибипку, дабы въ ней при-
няшь своего друга; пятому пригошовашь
пупевые припасы; двухъ же спаршихъ
оспаляетъ дома для хозяйспва.

*) Къ длинному шеспу привазанная веревка съ
пешлею.

Какъ скоро все было исполнено; по Сарабай опсправился въ путь съ дѣшми своими. — По двудневной ѣздѣ прибыли они къ условленному мѣспу: попому чпо ради поспѣшности на дорогѣ не ловили звѣрей, хопя ихъ довольно имъ попадалось. Карабай съ своей спороны шакже спарался въ назначенный день приѣхать на шо мѣсто. На дорогѣ заспигла его сильная буря и дождь, и принудила его съ поварищами поспавить кибитку и дожидаться хорошей погоды. Между тѣмъ Сарабай уже былъ на мѣспѣ, и мѣдленность Карабаева приводила его въ недоумѣнiе. На другой день послѣ полудня онъ намѣревался уже оспавить мѣспо сіе и возврапитъся въ свой ауль; но усмопрѣнная сыномъ его Каланбаемъ вдали пыль оспановила ихъ. Пыль время опъ времени къ нимъ приближалась, и они увидѣли наконецъ выѣзжающаго изъ оной Карабая съ поварищами. Сарабай обрадовавшись, спѣшилъ къ нему на встрѣчу и обнимаетъ его. День сей провели они въ дружескихъ разговорахъ и веселостяхъ, заспавляя молодыхъ людей, съ ними приѣхавшихъ, од-

нихъ бороться и спрѣлѣть изъ луковъ, другихъ играшь на курахъ *) и пѣшь приличные свиданію ихъ пѣсни. На другой день проснувшись, положили они ѣхашь на ловлю звѣрей, раздѣлясь на аршеди. Въ сей день имѣли они большую удачу, а случившееся произшествіе укрѣпило болѣе дружбу двухъ башырей. Сарабай удалясь опъ всѣхъ, ѣхаль одинъ мимо камышей, и нечаянно встрѣщилъ съ юль-барсомъ **) необычайной величины. Звѣрь кинулся на него. Башырь неуспранился опъ бою и ударилъ его копьемъ, но не попалъ ему въ зѣвъ, а пробилъ переднюю лопашку. Звѣрь разсвирѣпѣвъ опъ раны, ударяетъ лапою по копыю, коего древко ломаешся въ дребезги. Обезоруженный башырь сскакиваетъ съ коня. Звѣрь въ ярости, не различая коня опъ всадника, бросаешся наперваго и терзаешъ его. Башырь пользуясь симъ случаемъ, выхватываетъ острую свою саблю, съ силою ударяетъ звѣря по спинѣ и дѣлаешъ глубокую рану;

*) Кура или чебызга, единственное степныхъ народовъ музыкальное орудіе.

***) Барсъ.

опть чего звѣрь разсвирѣпѣлъ болѣе, и оставивъ коня уже расперзаннаго, съ клубящеюся изъ челюстей пѣною, съ кровью смѣшанною, кидается на друга Карабаева. Сарабай поражаетъ его саблею въ опшвершный звѣрь; но проворный звѣрь едва почувствовалъ прикосновение опшрея, списнувъ саблю зубами, изломалъ ее въ мѣлкіе куски и оставилъ въ рукѣ у бапыря одинъ обломокъ. Мгновенно кинулся на него и опшрыми своими зубами и лапами хопѣлъ расперзашъ его; но какъ Сарабай былъ въ кольчугѣ, шо звѣрь не могъ его глубоко ранить, а шолько превосходствомъ силы привелъ бапыря въ шакое изнеможеніе, что онъ едва держался на ногахъ и съ послѣднимъ усиліемъ опшбивался опть него, держа еще въ рукахъ опшпшокъ изломанной сабли, и нанося онымъ ему удары, кои были однако слабы и не вредили звѣрю. Сей бой кончился бы непременно смертію бапыря, еспшли бы шаспливый случай не привелъ на мѣсто сіе успранившагося опть шоварицей своихъ друга его Карабая. Сей видя его опшшность сскакиваетъ съ коня, дабы вѣрнѣе

поразишь звѣря. Со скоростію вихря бросаешься на него; однимъ ударомъ опдѣляешь ему правую лапу, уже схватившую Киргизскаго бапыря за шею. Звѣрь бросаетъ свою добычу и обращается на Карабая; но въ мигъ упадаетъ къ ногамъ его опъ сильнаго удара въ голову. Какъ ни твердъ былъ черепъ звѣря; но сила руки Карабаевой и оспропа сабли раздѣлила его на двое.

Изумленный и обрадованный Сарабай долго споялъ неподвижно. Попомъ,—хотя еще силы его сполько были испощены, что всякой бы другой на его мѣспѣ палъ опъ изнуренія,—онъ поднявъ руки къ небу, произнесъ крапкую молишву. Когда же онъ сълъ на праву; шо Карабай окончивъ бой, кинулся къ нему на шею.

„Какъ я щаспливъ, другъ мой! сказалъ онъ Сарабаю, что подоспѣлъ помочь тебѣ убишь звѣря.“ Не помогъ, опъ вѣчалъ ему другъ его, но изнеможеннаго избавилъ опъ лапъ и челюстей его, готовыхъ расперзать меня. Тебѣ одному принадлежишь чеспъ въ убиеніи

„звѣря. Конь мой былъ расперзѣнъ; я
 „обезоруженъ. Богъ послалъ себя къ
 „избавленію моему.“ — Карабай съ своей
 стороны приписывалъ ему похвалы, го-
 воря, что онъ уже ослабилъ силы звѣря,
 нанеши много ему ударовъ и во многихъ
 мѣстахъ его ранивъ. Они наговорили
 другъ другу много подобныхъ похвалъ,
 и можешъ быть, ихъ не кончили бы дол-
 го, еспьлибы не помѣшали имъ дѣ-
 ши Сарабаевы и поварищи Карабаевы.
 Дѣши увидя въ слабомъ положеніи оп-
 ца, сняли съ него кольчугу и плащъ,
 осмопрѣли раны и омывая ихъ чистою
 водою нашли неопасными. Карабай далъ
 одного изъ своихъ заводныхъ коней подъ
 Сарабая; и такимъ образомъ поѣхали об-
 ратно въ свой станъ. Дорогою Киргиз-
 скій бапырь рассказывалъ дѣшямъ своимъ
 объ опасномъ боѣ своемъ съ юль-барсомъ,
 примолвя: „безъ сильной руки друга мо-
 „его не сидѣть бы мнѣ на конѣ, и не ви-
 „дашь бы мнѣ ни женъ, ни васъ, дѣшей
 „моихъ. Матери бы ваши овдовѣли, а вы
 „бы оспались сиропами. И такъ дѣши
 „мои! поспарайтесъ ему заплашишь

„тѣмъ же!“ Сарабай, хотя башырь, но человекъ: теперь видимъ его благодарнымъ, а послѣ онъ забудетъ сдѣланную ему Карабаемъ услугу.

Приѣхавъ къ стану, сошли они съ ушомленныхъ коней своихъ и разсѣдали ихъ, каждый своему далъ выпить чашку кумызу для подкрѣпленія опть усталости; а потомъ спреножа пустили ихъ на мягкую правую близъ озера Казъ-кула. Дѣпи Сарабаевы и поварищи друга его изъ убишыхъ ими звѣрей и пищъ начали приготавливать пищу, подправляя оную крупомъ и масломъ; а башыри вошли въ богающую Сарабаеву кибишку. Тамъ сидя и разговаривая межъ собой располагали, какъ въ слѣдующіе дни ловить звѣрей. Между тѣмъ добрый позывъ на пищу выманиваетъ ихъ изъ кибишки къ кипящимъ котламъ съ мясами. Мясной запахъ опть спешающаго пара еще болѣе возбуждаетъ оной и дѣлаетъ башырей и поварищевъ ихъ неперпѣливыми. Въ сіе время видящъ они во весь опоръ скачущаго къ нимъ человека, и всѣ закричали: „Ишпаякъ! Иш-

„шякъ!“ Какъ скоро незнакомый приближился къ нимъ на разстояние пущеной изъ лука стрѣлы; то Карабай узнаеть въ немъ паспуха своего, Карамана. „Что за вѣсти? громко закричалъ онъ:— „Суюнча *), опивчалъ паспухъ: младшая изъ женъ своихъ Алпыша родила тебѣ сына благополучно!“— Обрадованный Карабай обнимаетъ друга своего и поварицей, благодаритъ паспуха за радостную вѣсть и даритъ ему лучшаго коня своего.

Между тѣмъ на раскинутыхъ коврахъ чаши были разспавлены и горячія мяса въ нихъ разложены. Товарищи Карабаевы почтили ножи острые крошить для двухъ друзей бишь-бармакъ **). Варенныя же головы въ знакъ почтенія подносили башырямъ. Не забыли пригласить на обѣдъ и приѣхавшаго съ добрыми вѣстями паспуха Карабаева. Насыпившись пищею и напившись кумызу Башкир-

*) Что награды за хорошую вѣсть?

***) Крошеное мясо, которое ѣдятъ руками. Оно же слово значить и нашъ нарядъ.

скій батыръ началъ говорить Киргизско-
му: „ Другъ мой! сколько ни весело
„ мнѣ бытъ съ тобою на звѣриной ловлѣ,
„ но сердцу радоснѣе видѣть родивша-
„ гося сына, обѣщаннаго мнѣ великимъ
„ Пророкомъ. Ты уже отецъ, и попо-
„ му, надѣюсь, не воспронивишься моему
„ опъѣзду.“ Сарабай, имѣя семь сыновъ, не
споль охотно желалъ распасться съ побѣ-
дицедемъ араслана; но видя рѣшимость
его принужденъ былъ согласиться.

Уже въ обѣихъ артеляхъ лошади бы-
ли осѣдланы, кибитки, коплы и чаши
на лошадей навьючены; какъ вдругъ ви-
дятъ скачущаго къ нимъ паспуха Сараба-
ева, копорый подѣхавъ, извѣщаетъ свое-
го хозяина, что любимая изъ женъ его
родила ему прекрасную дочь. Сарабай бро-
саясь опъ радости на шею друга своего,
вскричалъ: „ Другъ мой и избавитель!
„ прими дочь мою въ невѣсту сыну шво-
„ ему!“ Съ симъ словомъ друзья обня-
лись и ударили по рукамъ при всѣхъ сво-
ихъ поварицахъ. Посемъ впорично про-
спились и разъѣхались, давши другъ дру-

гу обѣщаніе, какъ можно, скорѣе опять видѣться.

Карабай желая скорѣе увидѣть сына, оставилъ позади себя всѣхъ поварищей, и недавая опдыха коню своему, на другой же день прискакалъ въ аулъ свой, до котораго обыкновенной ѣзды было на шесть дней. Карабай багырь, смѣлый въ опасностяхъ, миролюбивый и тихій въ товариществѣ, показалъ, что не чуждъ былъ и нежности чадолубія. Съ симъ новымъ для него чувствомъ, войдя въ кибишку увидѣлъ новорожденнаго на рукахъ родившей, сказалъ: „саламъ!“ *) и остановился; сердце въ немъ забилося отъ радости. Жена его удивясь сему привѣщанію, которое никогда женщинамъ не дѣлалось, спросила, кому онъ говоритъ это?—„Новоприѣзжему багырю, сыну моему новорожденному,“ отвѣчалъ Карабай; и опомнясь бросился къ нему и прижалъ обоихъ къ своей груди; обнималъ жену и ласкалъ сына, попеременно на-

*) Привѣщаніе, дѣлаемое только мужчинамъ, а женщинамъ никогда.

Зывая ихъ любезными именами, какія въ тѣ времена простоты Башкирской были у сего народа въ употребленіи. Помомъ, когда воспоргъ его радости не много утишился, призвавъ муллу, въ смиреніи и чистотѣ сердца принесъ моленіе Всевышнему и благодареніе великому его Пророку, по закону копораго сдѣлавъ сыну обрѣзаніе, наименовалъ его Кузь-кур-пячемъ *).

Съ другой стороны Сарабай поспѣшавъ въ ауль свой увидѣвъ новорожденную дочь. Но какъ онъ не хотѣлъ оставить сыновей своихъ съ вьючными лошадьми; то и приѣхавъ уже на пятой день, и нашелъ родившую благополучну и рожденную прекрасну. Не мѣдя послалъ за муллою, и принесъ жертву благодарности, далъ новорожденной имя Баяны.- Съ того времени друзья вмѣстѣ ловили звѣрей и часто другъ друга навѣщали въ аулахъ, а возвратившись къ себѣ, съ удивленіемъ рассказывали въ семействахъ своихъ

*) Кудрявый баранъ.

о проворствѣ и ловкости Кузь-курпича и о красотѣ и рукодѣліи Баяны.

Въ одинъ день Карабай съ поварницами своими вздумалъ навѣснить друга своего Сарабая. Подъѣзжая къ аулу его видипъ, что полпа наѣзниковъ другой непріязненной ему орды оный грабитъ и весь скопъ опгоняешъ *); самъ Сарабай, изнемогшій отъ ранъ и усалоспи, слабо защищается пропивъ лучшаго изъ наѣзниковъ башыря Сагазака. Карабай съ досадою и мщеніемъ спѣшилъ на помощь къ своему другу, и направя копье, полъ сильно ударилъ Сагазака, что пробилъ его на вылетъ и вонъ изъ сѣдла вышибъ. Наѣзники подоспѣвъ на помощь къ своему башырю, хопѣли его защищипъ, но вскорѣ почувспвовали шягоспъ руки Карабаевой. Онъ брося копье, выхвацилъ саблю свою, и съ такою силою и проворспвомъ рубилъ ею, что многихъ положилъ на мѣспъ, а оспавшихся принудилъ спасашся бѣгспвомъ. Разогнавъ сію полпу, пуспился съ поварницами своими въ по-

*) Сіе обыкновенно у нихъ называютъ баракшою.

тоню за оснальными наѣздниками, гнав-
 шими скопъ Сарабаевъ, кои видя многихъ
 своихъ поварищей и лучшаго бапыря по-
 гибшихъ, не смѣли ожидать на себя нападе-
 ния, и оспавя скопъ ускакали. Карабай не
 видя больше враговъ Сарабаевыхъ, заворо-
 тилъ весь скопъ и велѣлъ его гнашь въ
 аулъ, а самъ спѣшилъ подкрѣпить и успо-
 коить израненнаго и упомденнаго друга
 своего, котораго нашель безъ памяти на
 правѣ лежащаго между шѣлами убитыхъ
 жены его и двухъ сыновей. Первое его
 спараніе было осмопрѣшь раны Сарабае-
 вы, которыя хопя не были смерпѣльны,
 но многочисленны. Онъ пошчасъ омылъ
 ихъ водою; и какъ онъ зналъ силу и свой-
 ство цѣлительныхъ правъ, по набравъ
 ихъ приложилъ къ ранамъ и искусно ихъ
 перевязалъ; опъ чего Сарарабай вскорѣ
 почувствовался и дружеспвенно поглядѣвъ
 на него, сказалъ: „ Другъ мой и избави-
 „ пель! ты впорично спасъ жизнь мою
 „ и жизнь всего мнѣ любезнаго; ты вновь
 „ даровалъ оную женамъ и дѣтямъ моимъ;
 „ ты возвратилъ похищенное мое иму-
 „ щество; и ты подкрѣпляешь накожець

„изъявленное тѣло мое цѣлительными
„правами.“ Добрый и честный Карабай
не слушая словъ его, и не отвѣчая на
краснорѣчивую похвалу его, радовался
опъ всего сердца, что имѣлъ случай из-
бавить его опъ опасности. Башкирцы
по природѣ своей больше добры и чест-
ны, хопя менѣе краснорѣчивы, нежели
Киргизцы.

Сарабаю со дня на день становилось лег-
че. Другъ его пробылъ у него десять дней,
и видя, что здоровье его поправилось, про-
спяся съ нимъ, возвратился съ повари-
щами въ свой ауль. Семейство Караба-
ево и жипели встрѣтили его съ обыкно-
венною радостію; и онъ послѣдуя обще-
му своего народа обыкновенію долженъ
былъ рассказать имъ происшествіе, слу-
чившееся съ Сарабаемъ багыремъ, его
другомъ, которое доставило Карабаю еще
большее опъ единоплеменниковъ уваженіе
и любовь. И пакъ побѣдипель араслана
наслаждаясь семейственнымъ удовольстві-
емъ, радовался, смотря на своего сына,
который время опъ времени возрасая,

подавалъ великую о себѣ надежду. Иногда занимаясь опроческими его играми, заставляя его со сверспниками бороться. Кузь-курпачъ былъ ихъ всѣхъ ухвалливѣе и проворнѣе, и каждаго легко боролъ. Еслыли онъ чувствовалъ поединщика сильнѣе себя, тогда бралъ на уловку; иногда подверня бедру или подставя колѣно ронялъ его, или же упадая навзничъ черезъ себя перекидывалъ. Но когда находилъ борца съ равной себѣ силою, и не могъ одолѣть его; то упавъ на одно колѣно и подверняся подъ него плечами, черезъ голову свою клалъ пластомъ и больно убивалъ; но кпо хопя мало былъ слабѣе, того поднималъ на воздухъ, и нѣсколько разъ оберня вокругъ головы своей, бросалъ на землю. Послѣ борьбы Карабай заставлялъ сына своего стрѣлять изъ лука, но уже не изъ дѣпскаго: ибо Кузь-курпачъ изъ опщовскаго лука вышягивалъ свободно стрѣлу до копья, полсные дубы насквозь пробивалъ, пщицъ на лешу, а звѣрей на бѣгу побивалъ. Изъ сихъ заспѣленныхъ пщицъ и молодыхъ дикихъ козь машъ его Алпыща пригошо-

вляла ему завпракъ, коимъ онъ угощаль отца своего Карабая. Кузь-курпячь и въ верховой ѣздѣ былъ смѣль и проворенъ. Садился на коней необъязженныхъ и дѣлалъ ихъ споль смиренными и послушными, что и сами наѣзники пому удивлялись. Такія башырскія Кузь-курпяча пошѣхи радовали сердце Карабая, копорый въ полномъ удовольствіи, не вѣдая приближался къ своему *аджалъ и нафякъ**); между шѣмъ какъ сынъ его приходилъ въ возмужалость и не опспаваль опъ отца своего ѣздишь на звѣриную ловлю.

Въ одинъ день возвращаясь съ ловли Карабай съ сыномъ своимъ вздумали осмотрѣшь мимоѣздомъ пасущіеся по степи шабуны свои. Подъѣзжая къ косяку лучшаго своего аргамака, видяшь, что всѣ кобылы его бѣгутъ, а самъ онъ разсвирѣ-

*) Музульмане вѣрятъ предопредѣленію такимъ образомъ, что всякому Музульманину есть опредѣленное число лѣтъ жизни и опредѣленное количество пищи. Первое называется *аджалъ*, а послѣднее *нафяка*. И когда умираешь Музульманинъ, то обыкновенно говорятъ: аджалъ его исполнилась и нафяка кончилась.

пѣвши со скоростію гонить косякъ свой, и непрестанно по задними ногами ударяетъ въ воздухъ, по обрапившись назадъ и вспавъ на заднія ноги, передними копытами бьетъ по въпру, по прижавъ уши съ громкимъ храпомъ и визгомъ грызетъ землю оспрымъ своимъ зубомъ. Карабай и сынъ его видя сіе явленіе, но не зная оному причины, весьма удивлялись. Какъ сіе происходило подлѣ небольшого, но густаго кустарника; по сынъ Карабаевъ и бросился осмопрѣшь его, не найдется ли шупъ чего необыкновеннаго, что такъ устрашаетъ табуны ихъ. Подѣхавъ къ кустарнику видить съ другой стороны выбѣгающаго изъ онаго необычайной величины спрашнаго и безобразнаго звѣря. Спанъ его былъ дугою; на немъ рыжая шерсть была космапа и мѣстами свалена; на превеликой головѣ его хлопали длинныя уши, между коими бѣлыя глаза едва были примѣпны. Кузькурпачъ разсмопрѣвъ сіе живописное, выскакалъ на небольшой пригорокъ, и сдѣлалъ на конѣ своемъ нѣсколько круговъ, подавая пѣмъ вѣсть опцу своему, что

онъ нашель желаемую причину ихъ удивленія, а самъ поскакаль за звѣремъ, чпобъ не поперяпъ его изъ виду. Карабай примѣпивъ сей маякъ*), пуспилсъ и самъ въ слѣдъ за нимъ. Догнавъ сына, скачущаго съ запальчивоспю за чудовищемъ и пускающаго въ него спрѣлы, приказываетъ ему быпъ хладнокровнѣ, дабы вѣрнѣ поражать звѣря; но оба башыри разспрѣлявъ свои колчапы, удивились, чпо спрѣлы ихъ не уязвляли звѣря, а опскакивали опъ него, какъ легкя вещеспва опъ пвердыхъ пѣль. Между пѣмъ чудовище прибѣгаетъ къ высокой и утесистой горѣ, и въ небольшую разсѣлину, при подошвѣ горы находящуюся, опъ нихъ скрывается. Башыри прискакавъ къ разсѣлинѣ и видя, чпо не шолько въ оную на конѣ вѣхачъ, но ниже пѣшимъ войши не возможно, не знаютъ, чпо дѣлапъ. Въ сей ихъ нерѣшимости является имъ преспарѣлый мужъ. Плапье на немъ было длинное зеленого цвѣта; на головѣ имѣль онъ большую бѣлую чалму, а въ рукѣ держаль

*) Знакъ, подаваемый опъ одного мѣста къ другому.

длинную проснь выше головы своей. Мужеспвенный его и опть лѣпъ нѣсколко согбенный спанъ, посѣдѣвшая и разчесанная борода, смиренное лице и набожный видъ произвели въ бапыряхъ къ нему благоговѣніе. По черпамъ его Карабай признаешъ въ немъ шого спарца, копорый предсказаль ему о рожденіи сына, хопя онъ былъ шогда въ другомъ видѣ и плашѣ. Звѣроловы сошедъ съ коней, съ почшеніемъ подошли къ нему. Спарецъ подавъ имъ Салямъ, началъ пѣшь:

„ Вошце пускаете вы стрѣлы свои;
 „ Не побѣдите вамъ непобѣдимаго,
 „ Не поразите неуязвляема.
 „ Сие чудовище не дикой звѣрь,
 „ Но злой и люшый Дью-пари *);
 „ Магомета ненавидащій
 „ И законъ его почишающихъ!“

Бапыри удивившись, молчали и прижавъ руки къ персямъ своимъ, преклонили выи; а Авлія **) перемѣня напѣвъ

*) Духъ самый злой, но подверженный смерти, кошорый можетъ принимашъ на себя разные виды .

**) Вдохновенный, каковые въ жизни соей являлись Музудьманамъ .

продолжалъ :

„Онъ живешъ по конецъ земли,
 „ За семью морями глубокими
 „ И песками сыпучими,
 „ За семью горами высокими
 „ И лѣсами дремучими,
 „ За семью пропастью подземными.
 „ Онъ узналъ отъ злыхъ духовъ,
 „ Отъ своихъ помощниковъ,
 „ Что Пророкъ нашъ тебя милуешь
 „ За усердное твое моленіе,
 „ Даровавши сына бапыря,
 „ Надѣливъ конями добрыми.
 „ Клялся Дью-пари поварищамъ,
 „ Призывая адъ въ свидѣтели
 „ Погубишь могучихъ бапырей,
 „ Опогнашь къ себѣ добрыхъ коней!“

Бапыри оробѣли отъ слышаннаго ими и пали на колѣни. Авлія видя ихъ смиреніе, замолчалъ на нѣсколько времени; попомъ разглаживая сѣдую свою бороду, окончилъ рѣчь свою слѣдующею пѣсню *) :

„ Но Магомешъ меня къ вамъ посылаетъ,
 „ Чтобы отъ люта врага сохранишь,
 „ Имя пророче во вѣки прославишь,

*) Вдохновенные, являясь Музудманамъ, слова сіи обмкновенно пѣли.

„Дью пари злаго на вѣкъ погубить;
 „Трудно вамъ будешь его одолѣши;
 „Луки слабѣють и стрѣлы не ранають;
 „Копыи не колають, а сабли не рубаять;
 „Все же возможно его умертвить.
 „Есть лодъ лятой его правой ноги
 „Мѣсто смертельное, - тутъ лоразитъ!“

Авлія пропѣвъ послѣдній стихъ громче и пропѣжнѣ прочихъ, исчезъ; а башыри въ удивленіи и радости, не перемѣняя положенія своего, съ сердечнымъ чувствомъ благодарили заспупника своего Магомета за столь явную помощь; и еще не кончили благодарныхъ молитвъ своихъ, какъ вдругъ повалилъ изъ расщелины густой, подобный облаку, шуманъ; распилаясь по землѣ и восходя на верхъ скрылъ гору опъ глазъ башырей. Мгновенно попомъ какъ бы нѣкое горячее вещество вспыхнуло и претворилось въ огненное, изъ котораго выѣзжаепъ къ нимъ на превеликомъ Африканскомъ пигрѣ Дью-пери въ видѣ челоуѣка, покрыпаго спальнойю кольчугою и держащаго въ рукахъ ужасной величины чугунную палицу. Голосомъ, подобнымъ грому, опъ коего гора и вся окрестность

ея поколебалась, произнесъ сіи слова :
 „ Держновенные Музульмане! подлые ра-
 „ бы ненависнѣйшаго врага моего Ма-
 „ гомета! какъ осмѣдились вы поднять
 „ руку на сильнѣйшаго подь солнцемъ
 „ Дью-пярія, повелѣвающаго духами и
 „ спихіями, располагающаго по волѣ сво-
 „ ей участию смертныхъ и обладающаго
 „ всѣмъ, что есть въ поднебесной? По-
 „ щажу ли васъ, недостойныхъ моего по-
 „ милованія, и оставлю безъ наказанія? “
 Между шѣмъ башыри были уже на коняхъ;
 и хопя опъ видѣнныхъ ими явленій
 и слышанныхъ словъ Дью-пярія содро-
 гнулись, но не оробѣли. Молодой ба-
 шырь не опвѣчая ничего, первый напра-
 вляетъ въ него копье свое, несется во
 всю прышь конскую и ударяетъ прямо
 въ грудь Дью-пярія. Опъ сего удара ко-
 пье въ щепы ломается; Карабаевъ сынъ
 на конѣ проносится, а Дью-пяри насмѣ-
 хается; и хохотъ его раздался по всѣмъ
 окрестнымъ горамъ. Карабай не стерпя
 насмѣшекъ Пяріевыхъ наноситъ ему у-
 даръ въ бокъ копьемъ своимъ. Копье ра-
 щепалось, Пяри зашатался, но скоро о-

правился. Карабай выхватя саблю, несется впорочно на Дью-пяри; но сей разсвирѣпѣвъ опъ удара копейнаго, поднимаетъ ужасную свою палицу и съ шумомъ, бурѣ подобнымъ, опускаетъ ее на бапыря. Спарый, но еще проворный Карабай, опъ удара увернулся и на опмахъ сильно ударилъ саблею Пярія. Сабля показала доброшу свою, пустила искры по кольчугѣ Пяріевой, и какъ соль разсыпалась, а палица Пяріева упадетъ на креспецъ коня Карабаева и раздѣляетъ его на двое; но бапырь успѣлъ соскочить съ него на ноги. Карабай испытавъ всѣ роды сраженія, и потерявъ коня и все оружіе, не знаетъ, что дѣлать.

Въ семь мѣстѣ разскащикъ башкирской повѣспи оспановилъ, приглашая слушателей къ большому вниманію сими словами:

О друзья мои любезные!
 Неразлучные поварищи,
 Вы опважны, сильны бапыри
 И удалые набѣзники!
 Вы послушайте моихъ рѣчей!
 Ихъ мнѣ сказывалъ мой дѣдушка;

А онъ зналъ отъ своей бабушки,
 Что во всѣхъ нашихъ семи родахъ,
 Ни во всѣхъ ордахъ у Кыръ-казака
 Не бывало такихъ бапырей.
 А вы смѣлые, удалые!
 По пропѣ ими проложенной
 Поѣзжайте не сбиваючись!..

Попомъ разскащикъ продолжаетъ по-
 вѣстать свою явственнѣе напѣвомъ, и
 оканчиваетъ бой бапырей слѣдующимъ
 образомъ:

Какъ въ то время Карабаевъ сынъ
 Безъ коня былъ и безъ стрѣлъ своихъ:
 То бралъ въ руки саблю оспрую,
 И съ послѣднимъ симъ оружіемъ
 Несся онъ на злого Дью-пари.
 Тотъ узрѣвъ младаго бапыра,
 Поднимаетъ свою палицу,
 Чтoby однимъ ударомъ оныя
 Поразить коня и всадника;
 И лишь шодько опустилъ ее;
 Вмигъ проворный Кузь-курпачъ
 Увернясь, ударилъ саблею
 Сильно по плечу Дью-парія.
 Онѣмѣла рука злобная,
 Пада палица боевая;
 Но и сабля Кузь-курпачева
 Отъ удара раздешѣлася.

Старый батырь подоспѣлъ потчасъ,
 Схвативъ палицу Паріеву
 Оглушилъ въ високъ чудовище..
 Опъ того удара сильнаго
 Закачался шигрь и злой Пари;
 Приклонясь къ лукъ сѣдла свово,
 Свѣсидь руки, какъ ѣзжалу плешь.
 Молодой батырь догадливой
 Не забудь приказу Авліи;
 И не давъ пройши безпамяшству
 Чародѣя люша злобнаго,
 Онъ хвапаетъ поперегъ спины,
 Отдѣляетъ опъ сѣдла его,
 Приподнявши къ себѣ на бедру
 Ударяетъ крѣпко о землю.
 Заснонала мать сыра земля
 Опъ того удара шажкаго;
 Заскрипѣлъ зубами злой Пари,
 Чшо не могъ сгубить двухъ батырей,
 Кузь - курпачъ къ нему бросается,
 И не давъ ему опомнишься,
 Длинный ножъ схвапиль съ бедра своей,
 Обнажаетъ ногу правую,
 Открываетъ мѣсто гибельно
 И разишь со всею силою.

* * *

Закричалъ Пари ужаснымъ голосомъ;
 Испуская злобный духъ изъ шѣла вонъ.
 Пошекла ручьемъ изъ раны черна кровь;

Закипѣла, какъ смола въ кошлѣ кипить .
 Онъ кричалъ, какъ львы рычашъ въ темныхъ лѣсахъ;
 Засвиспалъ, какъ змѣй свиститъ въ крушыхъ
 горахъ ;
 Заспоналъ, какъ рыба кипъ въ синихъ моряхъ ,
 Завывалъ, какъ буйны вѣспрь въ пусныхъ дебряхъ .

Таковъ былъ конецъ злѣйшаго Дью-
 пари и самага ненавистнѣйшаго Маго-
 мету и его Музульманамъ, — продолжалъ
 раскащикъ повѣсти .

Башыри видя врага своего погибшаго,
 принесли благодареніе Магомету, и бо-
 ясь, чшобъ изъ сего злаго существа не
 возродилось еще злѣйшее *), со всевоз-
 можною скоростію нарубили оставшим-
 ся у нихъ ножемъ дровъ, и сложивъ боль-
 шой косперъ, сожгли на ономъ чародѣя
 и пепель его по вѣспру развѣяли .

По исполненіи сего Карабай съ помо-
 щію сына своего вырылъ большую яму,
 въ кошпорую положиа добраго коня своего,

*) Башкирцы вѣрашъ, что чародѣи могутъ снова
 оживатьъ, ешлы шѣла ихъ не испребатся
 огнемъ .

и вмѣстѣ съ нимъ обломки оружія своего, горько плакалъ и приговаривалъ, что впредь не надѣется имѣть ни поварища поль вѣрнаго, ни оружія такого крѣпкаго. Сдѣлавъ надъ оными большой марь *), обыкновенный памятникъ степныхъ родовъ, рѣшились они возвратиться въ свой ауль. Но какъ у обоихъ бабырей была только одна лошадь, и та весьма ослабѣла отъ бывшихъ трудовъ; но сынъ радовался сему случаю, что могъ оказать отцу своему услугу. Степные жители за высочайшую поспавляли добродѣтель почитать и повиноваться родителямъ, уважать и слѣдовать совѣтамъ престарѣлыхъ. Кузь-курпачъ не дожидаясь приказанія отцовскаго, подвелъ ему коня своего, прося одного на немъ ѣхать, „ а я, примолвилъ, будучи менѣе „ упомянутъ отъ бою и шверже себя но „ гами, пойду пѣшъ.“ И такимъ образомъ возвращались въ ауль свой.

Между тѣмъ паспухи аула Карабаева осматривая шабуны хозяевъ своихъ,

*) насыпной бугоръ.

стоя на горѣ издалека, видѣли бьющихся башырей съ Дью-пярёмъ, но опъ спраха не смѣя дожидатся окончанія боя, и почпя башырей погибшими, испуганные прискакали къ себѣ въ кошъ и разказали видѣнное ими жипелямъ, копорые почпшая опца и любя сына, въ смертельномъ находились спрахѣ. Знали они, что Дью-пярія никакими человѣческими силами одолѣшь было не можно. Любовь къ башырямъ побуждала ихъ спѣшитъ къ нимъ на помощь, а спрахъ люпоспи чародѣвой удерживадъ ихъ на мѣспѣ. Въ сей нерѣшимости увидѣли они вдали верхомъ ѣдущаго челоука, а другаго подлѣ него идущаго пѣшкомъ, и помѣръ приближенія ихъ всмаприваясь узнали въскорѣ Карабая и сына его. Въ шопѣ мигъ сидѣвшіе на коняхъ поскакали, а пѣшіе побѣжали къ нимъ на встрѣчу, обнимали ихъ изъявляя свою радость, что видяпъ ихъ спасшихся опъ чародѣя. Когда же узнали опъ башырей, что онъ уже испребленъ ими; то еще въ большую пришли радость и удивленіе, благодарили Магомеша, проклинали чародѣя, перевоз-

носили смѣлость и мужество своихъ ба-
 бырей, и непрестанно спрашивали
 ихъ о боѣ съ Дью-пярїемъ; ибо каждый
 хотѣлъ знать о томъ подробно. Упру-
 жденный Карабай просилъ ихъ дать ему
 время отдохнуть въ своей кибиткѣ, а по-
 томъ принесъ общее моленіе за низпо-
 сланную ему помощь, обѣщавъ рассказать
 подробно все происшествіе, и кончилъ
 веселымъ пиромъ, копорый намѣренъ
 былъ дать всему аулу.

По упру знаменіе Магометово *), ок-
 руженное звѣздами, еще освѣщало попуъ
 нуть **), по копорому нѣкогда Магометь
 проѣзжалъ на элапорогомъ овнѣ; любо-
 пышные соопчичи Карабаевы уже собра-
 лись къ его кибиткамъ и ожидали въ тиши-
 нѣ его пробужденія. Появилось солнце, и
 уже высоко взошло; но Карабай еще спитъ
 не пробуждаясь, а собравшійся народъ
 сидитъ и ждетъ въ молчаніи. Уже спада
 и шабуны конскіе укрываясь отъ пол-
 дневныхъ лучей, начали собираться къ рѣ-
 кѣ на пригоны свои; въ то время бабырей

*) луна. **) млечный.

Карабай пробуждается и выходитъ къ по-
 варищамъ съ сыномъ своимъ. Увидя ихъ
 всѣ опъ радости закричали: „*Салымъ!*“
 Добрый Карабай, обрадованный ихъ усер-
 діемъ, принимаетъ всѣхъ ласково и раз-
 сказываетъ имъ подробно о явившемся
 Авліѣ и его наставленіяхъ, о превращеніи
 чародѣя, о его смерти и наконецъ о соз-
 женіи. Послѣ того приносили всѣ общее
 и единодушное моленіе покровителью сво-
 ему Магомету за спасеніе добраго Кара-
 бая и сына его. Испребишель злаго Пя-
 рія, какъ старшій и почтеннѣйшій въ
 аулѣ своемъ, сидѣлъ и молился подлѣ
 Муллы, на разосланой кожѣ побѣжден-
 наго имъ еще въ молодости араслана;
 и сію кожу ни въ какихъ другихъ слу-
 чаяхъ, кромѣ молишвенныхъ обрядовъ,
 онъ не употреблялъ. За побѣдипелемъ
 араслана сидѣли всѣ престарѣлые, а за
 шѣми уже возмужалые и молодые люди.
 Окончивъ моленіе вспали, и вновь изъя-
 вили свою радость о спасеніи Карабая и
 сына его опъ злаго Дью-пярія. Кузь-кур-
 пича наименовали шупъ смѣлымъ бапы-
 ремъ, и опъ того времени подъ симъ на-

званіемъ онъ извѣстенъ былъ во всѣхъ спешныхъ ордахъ:

По семъ башыри раздѣля весь народъ своего аула на два круга, начали угощать его пищею, приготовленною изъ двухъ чепырехлѣпныхъ кобылицъ *). Въ первомъ сидѣли престарѣлые съ возмужалыми. Въ немъ на разосланныхъ коврахъ стояли большія чаши съ вареными мясами и цѣлыя сабы **); наполненные кумызомъ. Другой кругъ составляли юноши и малолѣтныя, посаженные на бѣлыхъ кошмахъ, коимъ въ шакомъ же количествѣ подавали мясо и кумызъ. Въ первомъ кругѣ сидѣвшихъ Карабай угощалъ самъ; а въ послѣднемъ сынъ его Кузь-курпачъ. По окончаніи обѣда, когда всѣ мяса были поѣдены и сабы съ кумызомъ опорожнены, гости вставъ, благодарили хозяина за сыпой пирь; остатокъ же дня про-

*) Сихъ дѣшъ кобылы почищаются у Башкирцовъ лучшею пищею.

***) *Саба* — большая стоянка, сдѣланная изъ двухъ или трехъ дымленныхъ кожъ, въ коихъ готовится кумызъ. Меньшія же называются *турсуками*; кои употребляются Башкирцами при переѣздахъ и звѣриной охотѣ, и привязываются къ сѣдламъ.

вели въ борьбѣ и конской скачкѣ, играли на курахъ и пѣли пѣсни, изображающія испребленіе чародѣя и смѣлоспъ ихъ хозяевъ башырей. Вотъ одна изъ таковыхъ пѣсенъ:

О куры вы доброгласныя,
Громки, звонки пропаяженныя!
Вы Курайчи *) про все вѣдущи!
Надувайше ихъ свободнѣе,
Припѣвайше голосистѣе!
Вамъ извѣстны бышя времяя,
И вы знаете всѣхъ башырей
По дѣламъ ихъ и по имени.
Вы взойдите на высокой холмъ
И тамъ сядыте подъ спольшній дубъ,
Вы повѣдайше намъ истину
Отъ начала и до сихъ времяя!...
Въ старѣ бывали ханы башыри:
Искендеръ **) , Башый , Темиръ-аксакъ ***),
Собирали рашъ неемѣшную,
Воевали страны чуждыя,
Побивали сопротивныхъ имъ;
Продивая кровь невинную,

*) Игроки на курахъ или чебызгахъ.

**) Александръ великій.

***) Желѣзная нога.

Упоили ею земли ихъ,
 Возвращались съ добычею,
 Пошерявши шамъ друзей своихъ,
 Приносили плачь и жалобы
 Въ сиротѣвшія семейства ихъ.
 И о тѣхъ : то идесть Башыряхъ
 Память по свѣшю недобрая.
 Наши башыри удалые,
 На чужую кровь нежадные,
 Не ходили въ страны дальныя,
 Не носили туда пламени
 И не пролили безвинну кровь
 Для добычи споль неправедной;
 Изстребили съ свѣша бѣдова
 Врага люшова и злобнова;
 Избавляясь отъ опасности,
 Всѣхъ избавили отъ пагубы.
 Наши башыри удалые
 Звѣроловствомъ занимаясь,
 Никому вреда не дѣлають.
 Карабай... башыри привѣтливой,
 На пиры для насъ пода дливый
 У него всѣ кони добрые,
 У него скопина жирная,
 Жены молоды услужливы,
 Сынъ удалой и послушливой.
 И объ нихъ -- то пойдешь по свѣшю
 Слава многая и добрая.

Такъ веселились бапыри, и уже съ наступленіемъ ночи разошлись по кибиткамъ своимъ.

Въ слѣдующіе дни Карабай съ сыномъ своимъ отдыхали; но имѣя большую и единственную охоту къ звѣроловству, приготавливали между пѣмъ себѣ новое оружіе: луки, стрѣлы, копья и сабли; по тому что все оружіе и коня поперяли они, какъ извѣстно, на бою съ Дью-пярёмъ. Когда приготовили себѣ коней и все нужное; по соединясь съ поварищами, поѣхали добывать звѣрей гораздо далѣе прежняго въ Киргизскія степи. Три дни звѣроловствовали они удачно, дѣлаясь на малыя аршели и по одиначкѣ, а къ ночи приѣзжали на спань и всегда съ добычею. На четвертый день выѣхали по утру рано. Карабай успранясь опъ сына своего и поварищей, напалъ на дикую козу, копорая съ невѣроятною скоростію побѣжала по кремнистымъ и утесистымъ горамъ, перепрыгивая глубокія стремнины. Карабай, копораго аджалъ и нафяка вели къ неминуемому предѣлу, всюду ска-

каль за козою, не спуская ее съ глазъ и не разсмапривая опасности мѣспѣ. Въ по время брапѣ изпребленнаго имъ и сыномъ его Дью-пярія, непреспанно помышляющій о мщеніи и пагубѣ Карабая, видя его по поль опаснымъ мѣспамъ скачущаго, упопробиль сей случай для исполненія коварнаго и злаго своего намѣренія. Не смѣя напасѣ на него явною силою, онъ прибѣгнуль къ коварству, превратился въ беркуша *) и поднялся высоко надъ головой Карабая, кошорый догна козу, скакаль внизъ по крушой горѣ съ напянушимъ лукомъ; попомъ поджавъ крылья и выпустивъ острые когти съ шумомъ и чрезмѣрною скоростію пустился въ низъ и ударивъ Карабая, непредвидѣвшаго сего умысла, опрокинулъ его и съ конемъ въ пропасть, у основанія горы находившуюся. Башырь разбившись, безъ чувствъ упалъ въ оную; кровь текла у него изъ ушей, рта и носа; а добрый конь его, ударившись головой о камень, недохнулъ ни разу. Люпый чародѣй кидается на башыря, какъ хищный

*) Большаго роду орель.

яспребъ на робкаго зайца, и шерзаешъ
 его безчуспвеннаго оспрыми когпями и
 носомъ, приговаривая человѣнскимъ го-
 лосомъ; „ненавистный роду Пяривъ родъ
 „Музульманскій! прими доспойную казнь
 „за погубленіе сильнѣйшаго въ подсолнеч-
 „ной Дью-пярія. Съ шаковымъ или еще
 „большимъ мученіемъ погублю швоего сы-
 „на и изспреблю проклятое ваше сѣмя.
 „Гдѣ шеперь заступникъ швой Маго-
 „мешъ? пущъ придетъ сюда и свобо-
 „дитъ шебя опъ когпей моихъ!“ Мучи-
 шельныя шерзанія привели Карабая въ чув-
 шество, и по словамъ произнесеннымъ бер-
 кушомъ онъ узналъ, что это былъ ча-
 родѣй и братъ убишаго имъ Дью-пярія.
 Призвавъ мыслію въ помощь Магомеша,
 вскочилъ онъ на ноги, и собравъ послѣднія
 силы и мужество, схватилъ его за обѣ ла-
 пы и споль крѣпко ударилъ о камень,
 что всѣ кости у чародѣя запрещали.
 Ободренный сямъ Карабай, наспутивъ
 ногою на шею чародѣя, а руками держа
 его лапы, споль сильно дернулъ за о-
 ния, что опорвалъ ему голову, самъ же
 безъ чувствъ повалился на землю и из-
 пущилъ духъ.

Тогда въ третій разъ явился Авлія Кузь-курпячу, искавшему отца своего, и сказалъ. „ Оспановись, Кузь-курпячь, и „ не ищи по полямъ отца своего! уже адъ „ жаль его исполнилась и нафяка кончи- „ лась. Поѣзжай въ сіи ушесисыя горы; „ шамъ ты найдешь его шѣло, которое на „ высокомъ мѣстѣ похорони съ честію!“ Попомъ рассказавъ ему о бипцѣ Карабае- вой съ злымъ духомъ, о коварствѣ сего послѣдняго и о мужеспвѣ перваго, при- бавилъ: „ Карабай, отецъ твой, былъ ис- „ пинный музудьманинъ и любимый Ма- „ гометомъ; и послѣдній вздохъ свой онъ „ посвятилъ ему на службу, пораза зльи- „ шаго врага его. За сіе и за добродѣтель- „ ную жизнь призываешь его Пророкъ „ въ обѣщанный правовѣрнымъ рай, гдѣ „ посреди прекрасныхъ Гурій будешь онъ „ наслаждашья вѣчнымъ блаженствомъ. „ Подражай его добродѣтелямъ, и равно- „ мѣрную получишь награду!“ Выговоря сіе, Авлія исчезъ. Смѣлый въ опаснос- тяхъ бапырь, шеперь подобно робкому и испуганному зайцу, поскакалъ въ горы къ означенному мѣсту, гдѣ нащедъ без-

дыханнаго опца своего, сскочилъ съ коня, и бросясь на окровавленное шѣло его, горько плакалъ и обвинялъ себя въ нерачительности объ немъ за то, что опъ него оплучился.

Между тѣмъ поварищи его, видѣвшіе издалека скакавшаго Кузь-курпича въ горы, пуспились въ слѣдъ за нимъ, и когда прискакавъ увидали Карабая мертваго, то покидались всѣ съ коней на шѣло его, и обнимая оное, горько плакали, называя его опцемъ своимъ, а себя осирошѣвшими дѣтьми его. Выслушавъ сына его о бившѣ Карабаевой съ чародѣемъ, проклинали Пярія, и не мешкавъ сдѣлали косперь, сожгли мерзкій шрупъ его и прахъ по въпру развѣяли. Тѣло же Кврабаево омывши чистую водою, вынесли на плечахъ своихъ на вершину высокой горы, и шамъ по завѣщанію Авліи похороня его, положили съ нимъ, по обычаю своему, всѣ его и свои оружія, и насыпали высокой маръ въ память добродѣтельнаго мужа и сильного бапыря; и опъ того времени бугоръ сей называется Кара-шау *).

*) Черная гора.

За шѣмъ сдѣлали скачку на коняхъ вкругъ мара, означая шѣмъ послѣднее съ Карабаемъ звѣроловство и прощанье, и поклонясь могилѣ его, печальные поѣхали въ кошъ свой. Между шѣмъ одинъ изъ звѣролововъ, искавшій долго Карабая, уѣхаль въ ауль, въ надеждѣ шамъ его найши, и разсказаль всѣмъ жителямъ, что Карабай одинъ опъ нихъ успранившись до сей поры не возвращался, и что всѣ поварищи найши его не могутъ. Сею вѣстїю сполько они впревожились, что пошчасъ бросились на коней, чпобъ ѣхашъ опыскивашъ его по степямъ Киргизскимъ. Жена его Алпыша, какъ ума лишенная, поѣжала въ шу сторону, опкуда приѣхаль поварищъ Карабаевъ. Увидѣвши вдали ѣдущихъ звѣролововъ, она обрадовалась; но когда по мѣрѣ ихъ приближенія распознала коней и хозяевъ, и не увидѣла между ими ни коня Карабаева, ни его самага; шо горько плача, приговаривала:

- „ Я не вижу коня добраго,
- „ Карабаева поварища .
- „ Его постушь горделиваа

„ До земли недопыхалася;
 „ Его шея, какъ у лебеда,
 „ Будшо вкругъ кольца обогнула .
 „ Я не вижу Карабая пушь,
 „ Съ моимъ сердцемъ неразлучнаго,
 „ Смѣла батыря наѣздника .
 „ Онъ осанкой молодецкою,
 „ Сановитостью и мужествомъ,
 „ Опдичадся отъ товарищей !“

Между пѣмъ поварици приближались
 къ аулу, и Алпыша не давъ имъ сойпи
 съ коней, вопрошаешъ :

„ Гдѣ отецъ твой, Карабай батырь?
 „ Гдѣ мой мужъ ? гдѣ мой сердечной другъ?
 „ Вы удалые наѣзники,
 „ Карабаевы товарищи!
 „ Вы повѣдайте мнѣ истину :
 „ Гдѣ остался вашъ сгарѣшина ?“

Тогда Кузь-курпячъ и поварици по-
 бросались съ лошадей своихъ, и прижавъ
 руки къ груди своей, рыдая рассказали
 ей о кончинѣ Карабаевой . Запрепетало
 сердце у Алпыши, задрожали всѣ соста-
 вы ея, подогнулись ноги, и она упала
 безъ памяти на землю . Въ семъ положе-
 нии Кузь-курпячъ съ поварицами он-

несли ее на рукахъ въ кибитку, гдѣ она
очуствовавшись горько начала плакать,
приговаривая:

- „ Я заранѣ слышала
 „ О невзгодѣ Карабаевой;
 „ Миѣ недаромъ во прошедшу ночь
 „ Нехорошій сонъ привидѣлся;
 „ Что мой бапырь на степи лежитъ;
 „ Ни кумызу пишь не хочешь онъ,
 „ И ни крушу онъ не кушаетъ;
 „ Окруженъ звѣрами люпыми,
 „ Онъ не можетъ опразити ихъ.
 „ Разогнулся лукъ шугой его,
 „ Порвалася пещива на немъ,
 „ Преломилася калена стрѣла;
 „ На стрѣлѣ копье не держится,
 „ На копьѣ желѣзо ржавѣеть .
 „ О пы солнце мое красное!
 „ За чемъ рано закашилося?
 „ И во вѣки не покажешся,
 „ Не увидишь моихъ горькихъ слезъ,
 „ Не услышишь стону паякова,
 „ Не освѣпишь жизни мрачныя .
 „ Я теперь, какъ птица робкая,
 „ Отъ ловца въ силки поиманна,
 „ Разлученная съ пещымы гнѣздомъ,
 „ Потерявшая пщенцовъ своихъ,
 „ Въ клѣтку темную посаженна,
 „ Ни клюешь, ни пьешь печальная:

„Такъ и я осиротѣвшая
 „Сижу дома, какъ прикованна,
 „Не могу глядѣть на вольной свѣтъ,
 „Ни чего нельзя ни пить, ни ѣсть.
 „Запеклися уста кровію,
 „И горшанъ моя вся высохла,
 „Прерывается дыханіе
 „Во груди моей спираясь,
 „Сердце замерло ошъ горести,
 „И изъ глазъ слезы не капаются.
 „Изо всѣхъ пшищъ лебедь бѣлая
 „Больше свычна со дружкой своимъ;
 „Вдругъ лищася бѣла лебедя,
 „Пораженнаго стрѣлой ловца,
 „Она плаваешь по заводамъ
 „Съ молодымъ своимъ лебязичемъ,
 „Выкликаешь его жадобно;
 „Но не слыша больше опзыву,
 „Съ грусти бьешься и шерзаешься.
 „Такъ и я, какъ лебедь бѣлая,
 „Лищася друга къ сердцу близкаго,
 „Остаюсь вдовою горькою
 „Съ сиротою, младымъ башыремъ,
 „Не найду себѣ я радости,
 „Не дождуся гостя жданаго,
 „Не увижу друга вѣрнаго,
 „Не услышу объ немъ вѣспочки.“

Кузь - курпачъ оставшись одинъ съ
 маперью, спарался упѣшати ее, увѣряя

въ совершенномъ къ ней своемъ почтеніи и послушаніи, и говоря, что отецъ его былъ человекъ добродѣтельный и истинный Музульманинъ, и по словамъ Авліи Магометь помѣстилъ его въ свѣпломъ мѣстѣ обѣщаннаго правовѣрнымъ райа. Усладивъ такимъ образомъ нѣсколько горестей ея, предложилъ ей о приуготовленіи по отцу своему поминокъ; но Алпыша напомнила ему, что напередъ надобно послать ильчевъ (такъ называются послы) въ аулъ къ другу его Сарабаю съ извѣстіемъ о кончинѣ Карабаевой, и чтобы напомнили ему о обѣщанной невѣстѣ и просили его къ Кузь-курпячу для совершения по другу его поминокъ. Кузь-курпячъ сколь ни былъ печалень о потерѣ отца своего, почувствовалъ радость отъ словъ матери. Онъ любилъ уже Баяну; не потому чтобы когда нибудь ее видѣлъ, но потому что отецъ его всегда предъ нимъ хвалилъ ее, называлъ красавицею и руководъльною, и нерѣдко привозилъ отъ Сарабая подарки баяниной работы, какъ-то: пюбешейки, ергачныя окладки и сѣдельныя наме-

пы. Сии подарки казались Кузь-курпачу превосходнѣе Персидскихъ; и онъ почиталъ ихъ лучшимъ украшеніемъ своей кибишки. Получа приказаніе опть манери, въ шуже минушу побѣжалъ къ поварщикамъ, бывшимъ съ опцемъ его въ аулъ Киргизскаго бапыря, и упрости ихъ ѣхашъ шуда послами. Согласясь на сіе они запаслись всѣмъ нужнымъ для дороги, и на другой день опправились въ путь свой, оставя Кузь-курпача въ сладкой надеждѣ, чшо привезуть съ собою будущаго его тешя, у котораго онъ, угостя его напередъ, какъ полный хозяинъ, надѣялся испросить подтвержденіе на свадьбу, а попомъ и совершить оную вскорѣ.

Между тѣмъ въ аулъ Сарабаевомъ проиходило совсѣмъ прошивное. Слава объ убіеніи юль-барса при озерѣ Казъ-кулъ, несправедливо присвоенная Сарабаемъ, разнеслась по всѣмъ ордамъ Киргизскимъ и приобрѣла ему знакомство двухъ Хановъ и многихъ изъ лучшихъ родовъ бапырей; а красота Баяны, его дочери, и

умноженное удачною барантою богатство заставили многихъ искать его родства. Но Сарабай, гордясь таковыми преимуществами, отказалъ въ ономъ всѣмъ башырямъ, а уговорился съ однимъ оподданной орды Ханомъ выдать дочь свою Баяну за сына его Султана Ай-кару. Уже ошъ Хана приѣхали къ нему съ дарами ильчи просить его, чтобы онъ по условію съ Ханомъ перенесъ кочевье свое къ рѣкѣ Карасу, гдѣ по свиданіи жениха съ невѣстою при всѣхъ съ обѣихъ стѣронъ родственникахъ надлежало совершить свадьбу. Въ сіе-то самое время приѣзжаютъ въ ауль Сарабаевъ ильчи ошъ Кузь-курцияча, и весьма удивляются, узнавши, что Баяна уже просвапана за Султана Ай-кару. Но зная крѣпкую дружбу двухъ башырей и непремѣнное ихъ намѣреніе соединить дѣтей своихъ, не хотѣли по добротѣ своего сердца пому вѣрить, и думали склонить Сарабая на свою сторону напоминаніемъ ему о другѣ его и данномъ ему произвольно словѣ. Но они въ помъ обманулись. Гордый Сарабай по многократной ихъ прозьбѣ едва допу-

спилъ ихъ къ себѣ въ кибитку. Когда они вошли къ нему; Сарабай съ дѣтьми Хана сидя на коврахъ между предстоящими его ильчами, гордо посмопрѣвъ на нихъ, спросилъ: какоебы Ишпякамъ могло бытъ до него дѣло? На вопросъ его ильчи описывали слѣдующее: „ Мы „ присланы къ тебѣ отъ Алпыши, вдовы „ Карабаевой и Кузь-курпяча, сына его, „ извѣспитъ тебя; что друга твоего и „ избавителя не спало на свѣтъ. Печаль- „ ная вдова его и сынъ; а твой назначен- „ ный зять; просятъ тебя съ дѣтьми „ твоими навѣспитъ ихъ осиротѣвшихъ „ и общія по другъ твоему сдѣлать по- „ минки; припомъ подтвердитъ данное „ твоею слово, выдастъ Баяну; дочь твою; „ за Кузь-курпяча; сына твоего друга; а „ естли ничто тебѣ не взырепяству- „ етъ; то послѣ поминокъ совершитъ и „ свадьбу.“ Ильчи умолкли; а неблагодар- „ ный Сарабай съ презрѣніемъ взглянувъ „ на нихъ; сказалъ: „ въ сію минуту повѣ- „ жайше изъ моего коша и скажите по- „ славшимъ васъ, что башырь Сарабай „ не шолько ѣхашъ къ презрѣннымъ Иш-

„пьякамъ, но и знашь ихъ не хочешъ, а
 „пѣмъ еще меньше вспупашъ съ ними
 „въ родство. Да и какъ они могли ду-
 „мать, чпобъ дочь Сарабая башыря бы-
 „ла выдана за Ишпяка тогда, какъ она
 „уже сосвапана за Сулшана Ай-кару?“
 Удивленные ильчи, зная пвердую дружбу
 къ нему Карабая, копорой не разъ спа-
 салъ его жизнь и имущество, не хотѣли
 вѣришь словамъ Сарабаевымъ. Забышь
 дружбу, опказашъся опъ слова и вмѣсто
 благодарности за полученное добро о-
 казашъ презрѣнне къ благодѣтелю, они
 почитали за невозможное; но свирѣпый
 Сарабай подпвердилъ слова свои угроза-
 ми, и ни минушы не мѣшкавъ велѣлъ имъ
 выѣхашъ изъ кочевья своего; а самъ
 чрезъ нѣсколько дней перекочевалъ на
 устьѣ рѣки Аму-дарьи, приближаясь къ
 условленному съ Ханомъ урочищу на рѣ-
 къ Кара, впадающей въ Араль-дынгизъ *):

Ильчи Кузь-курпячевы, негодуя на не-
 благодарнаго Сарабая, возвратились въ
 аулъ свой и рассказали пославшимъ ихъ

*) Аральское море.

все бывшее въ кошѣ Сарабаевомъ. Алпыша многожды слыхавшая опъ мужа своего о Кыръ-казакахъ, чпо они нешверды въ дружбѣ, невѣрны въ словѣ и горды прошиву Ишпяковъ, нимало сему не удивилась, и совѣшвала сыну своему забышь неблагодарнаго Сарабая и дочь его, обѣщая высватать за него лучшую невѣсту въ другихъ ордахъ. Но молодой и чувствительной Кузь-курпачъ думалъ совсѣмъ шому прошивное. Привыкши съ дѣпскихъ лѣшъ слышатъ похвалы о красотѣ Баяны и почишатъ ее своею, не споль равнодушно, какъ мать его, принялъ опказъ Сарабаевъ. Но изъ повинovenія къ матери, и не хопя умножитъ печаль ея, согласился наружно съ ея мнѣнемъ. Въ самое же по время принялъ швердое намѣреніе ѣхать къ Сарабаю и увести Баяну, естли будетъ на по ея согласіе.— Добродушные семиродцы! любовь къ красотѣ и васъ шакже сильно превозжигитъ, какъ и шѣ народы, кои славяшя познаніемъ всего подсолнечнаго. Кузь-Курпачъ никогда бъ не сказалъ шого

матери своей, чего у него на сердце не было; но любовь къ Баянъ училъ его и мать обманывать.

Вдова Карабаева, давно желающая сдѣлать поминки по мужъ своему, посылаетъ сына сзывать на оныя всѣхъ жипелей своего аула. Они, собравшись на лучшихъ коняхъ своихъ около кибитокъ ея, поѣхали въ сопровожденіи Муллы и Кузь-Курпяча къ могилѣ Карабаевой, до копорой не доѣхавъ на выспрѣль пущенной стрѣлы, оспановились лицомъ на полдень, попомъ оспавивъ коней, пѣшіе пошли къ могилѣ. Тутъ Мулла съвѣ на кожу арасланову, употреблявшуюся нѣкогда при моленіи Карабаемъ, и посадя подлѣ себя Кузь-курпяча, началъ чипать молишвы изъ Ал-корана. Прочіе съ благоговѣніемъ слушали и усердно молились о Карабаѣ, котораго всѣ любили и за добродѣтельное жипіе почитали избраннымъ. Оконча моленіе и поклонясь могилѣ его, пошли къ своимъ конямъ, дабы облегчить ихъ и пригошовить къ скачкѣ. У нихъ такое было обыкновеніе, что

бы на поминкахъ дѣлашь всѣ шѣ попѣхи, копорыя умершій любилъ въ своей жизни. Кузь-курпачь, какъ бы по приказанію опца своего, разспановилъ вокругъ могилы его семь сшавокъ, одну опъ другой не подалеку, въ награду соспязующихся на коняхъ. Въ 1 й споялъ у коновязи чубарой аргамакъ; во 2 й была желѣзная кольчуга; въ 3 й конской уборъ съ серебряною насѣчкой; въ 4 й лукъ со спрѣлами; въ 5 й сабля съ отравленною серебромъ рукоящью; въ 6 й копье съ камышевой древкой и крѣпкою оправой; въ 7 й калпа лучшей Киргизской работы. Вся сія ратная збруя повѣшена была на длинныхъ шеспахъ, дабы соспязующимся виднѣе была ихъ награда. Кузь-курпачь, учредя сіе, повѣспилъ всему собранію, что рѣзвыхъ коней всадники получаютъ награду на могилѣ Карабаевой. Опѣхавъ опъ онья на чепвершъ дня обыкновенной ѣзды, и спавъ впереди на два выспрѣла сайдачныхъ, подалъ знакъ къ скачкѣ, а самъ пуспился впередъ, дабы видѣшь, кому какая сшавка принадлежать будешъ. Тогда всѣ, какъ вихрь, пуспи-

лись къ могилѣ Карабаевой съ визгомъ и крикомъ. Первый изъ всѣхъ выдается Алдаръ на бѣломъ конѣ. Всѣ за нимъ, подобно спрунѣ, выпягивающся. Доскакавъ первый рубежа, принимаетъ онъ въ награду чубараго аргмака изъ рукъ равнолѣшняго друга своего Кузь-курпяча. За симъ родспвенникъ его Ишь-кары, только за два прыжка конскихъ опспавшій опъ него, доспигаепъ впорой спавки и срываетъ съ длиннаго шеспа кольчугу. За тѣмъ посѣдѣвшій Араль-бай, неразлучный поварищъ Карабаевъ, опспавшій только головою коня своего, беретъ конскій уборъ съ насѣчкою. Позади сихъ прехъ на выспрѣлъ сайдачной несущся на игренихъ коняхъ Бурюбай и Кучербай, два брата родные, звѣроловы и наѣздники. Кони ихъ одной мапери, скачупъ ухо объ ухо; но Бурюбай умножаепъ удары коню и сугубипъ визгъ свой; конъ высовываепся, и Бурюбай успѣваепъ схватипъ съ шеспа чепвершую спавку, лукъ со спрѣлами. Въ самой шопъ мигъ и Кучербай срываетъ саблю съ опправленною руюпяшю. За сими аксакаль Муй-

някъ, современный опцу Карабаеву, и уже давно оставившій спешные свои попѣхи и звѣроловство, желая почтить память Карабаеву, скачетъ на ворономъ конѣ, беретъ въ свою очередь шестую спавку, копье съ камышевой древкой, и не могши удержатъ рьянова коня своего, проносися весьма далеко за рубежъ.

Попомъ молодой и проворный сынъ его Байджигитъ взялъ послѣднюю спавку, калпу, оставивъ за собою кучу скачущихъ въ беспорядкѣ и безъ надежды получить награды. Симъ образомъ кончилась скачка въ память Карабаю. Посемъ Кузь-курпачъ опредѣлилъ еще награды для борцевъ. Первую составлялъ крамуазинный кафтанъ; вторую шелковой Персидскій кушакъ; третью шубейка, шипая марьяномъ и бобромъ обложенная; четвертую зимняя шапка, черной лисой подбитая; пятую и послѣднюю кожа большаго юль-барса. Борьба же Башкирская производилъ слѣдующимъ образомъ:

Борець, одолѣвшій противника свое-

го, выходишь на другаго, а попомъ и на прешьяго, и поборя оныхъ получаетъ первую награду. Но послѣ двухъ удачныхъ подвиговъ, не успѣвши въ прешьемъ, лишаешься награды; и пропивнику его тогда предлежишь для полученія оной совершишь при удачныхъ подвига. Симъ образомъ продолжается борьба до шѣхъ поръ, пока разберуся всѣ спавки.

Всѣ собравшіеся, сошедъ съ коней, сдѣлали изъ себя большой кругъ и присѣли. Кузь-курпачъ, вынеся на средину сказанныя спавки, объявилъ, что достойнѣйшіе единоборцы получаютъ ихъ въ награду за свои подвиги. Тогда выходишь на средину круга великорослой Буркушь-бай, и ослабивъ кушакъ свой присѣлъ, ожидая пропивоборца. По маломъ времени вспавъ изъ круговины, подходитъ къ нему широкоплечій Джигилбай и хватается за него жилистыми своими руками. Другъ друга поворачивающъ, другъ друга сжимающъ и шѣмъ испытывающъ свои силы. Буркушь-бай, чувствуя пропивника своего себѣ подъ силу, подвер-

пывається и чрезъ бедро свое ударяешъ его о землю, и первый совершаешъ подвигъ. Побѣжденный уходитъ въ толпу; побѣдитель оспается на мѣспѣ и ожидаетъ другаго. Являешся молодой и ухвальной Тульку-бай, схватывается съ Буркупъ-баемъ и, употребя все усиліе и уловку, повергаетъ на землю и побѣжденный уходитъ; а побѣдившій ожидаетъ послѣдняго сопропивника, дабы одолѣвъ его, получить крамуазинный кафтанъ. Народъ избираетъ могучаго и плотнаго Батырь-кула и выставляетъ его на борьбу съ Буркупъ-баемъ; но онъ пропившійся и не выходитъ на поприще, какъ бы боясь оспаться побѣжденнымъ; въ самомъ же дѣлѣ хотѣлъ показати свою скромность. Наконецъ послѣ многихъ опговорокъ приближается съ помусленными глазами и смиренною осанкой, но со смѣлостію батыря беретъ за кушакъ Буркупъ-баевъ. Сопропивники схватясь ходящъ въ малыхъ кругахъ, другъ друга испытываютъ и равную слышатъ въ себѣ силу. Если одинъ хочетъ взять на уловку, другой въ тошъ же мигъ

предъупреждая оную, пропивополагаетъ ей преграду. И такимъ образомъ спорили споль долго, что сырое мясо, пущенное въ кошель, на огнѣ споящій, легко могло бы свариться. Уже ослабѣли силы ихъ, онѣмѣли руки и ноги, и испощились всѣ ухватки и хитроспи ихъ, но нима-лѣйшаго одинъ надъ другимъ не могъ взять верху. Тогда Кузь - курпячь и спарѣ-шины велѣли имъ разойтись, и присудили первыя двѣ спавки, крамуазинной кафшанъ и шелковой кушакъ опдашь въ награду за сей подвигъ.

По семъ выходить Алдаръ, равнолѣпнй другъ Кузь - курпячевъ, съ проворнымъ Байджигишомъ, сыномъ Муйняковымъ, получившимъ послѣднюю спавку на скачкѣ. Схватывающа и со всѣмъ уси-лиемъ спарающа одолѣть другъ друга. Какихъ не употребили съ обѣихъ споронъ ухватокъ и приемовъ, бывши одинаково въ борбѣ искусны и одинаково проворны. Наконецъ Кузь - курпячевъ другъ исплошилъ сына Муйнякова, сдѣлавъ при-емъ, что хочеть взять его на бедро, и

въ пошъ мигъ, какъ сей бралъ прошивъ пого свои мѣры, Алдаръ палъ на одно колѣно и перекинувъ чрезъ себя Байджигипа заставилъ изъ круга удалиться. вмѣсто сего берется за кушакъ Алдаровъ наѣздникъ Бурюбай, получившій на скачкѣ въ награду лукъ со стрѣлами. Видѣвши, что предшественникъ преодолѣнъ былъ хипроспю, надѣялся онъ подобною жъ хипроспю и самъ поборошь Алдара; но въ пошъ обманулъ! Другъ Кузь-курпячевъ примѣшилъ его умыселъ и не давъ ему къ себѣ подобраться, сильно посунулъ его опъ себя, въ мгновение уперъ головою въ грудь, а колѣномъ подъ живощъ, и приподнявъ на плечо къ себѣ, ударилъ спиною о землю, а самъ оспался въ кругу и присѣлъ отдыхашъ. Но Кучербай, родной братъ Бурюбаевъ, не долго далъ ему отдыхашъ: подходитъ къ нему скоро, за кушакъ берется смѣло, сжимаетъ его крѣпко и, бывъ гораздо сильнѣе Алдара, свободно поверпываетъ во всѣ спороны упомленнаго. Алдаръ, зная въ борьбѣ всѣ ухватки и приемы, давалъ сопрошивнику своему волю при-

поднимаешь себя, дабы шѣмъ его немного обезсилишь, а самому между шѣмъ перевеси духъ. Потомъ изплоша его, вдругъ - палъ навзничъ и чрезъ себя шоль больно ударилъ запылкомъ Кучербая, что опшибъ у него память, а самъ вскоча при похвалѣ всего народа, вопричную изъ рукъ друга своего получаетъ награду, шюбешейку шипую марьяномъ и бобромъ обложенную. За сими выходишь на поприще средолѣпнѣй борець, сильный и крѣпкѣй Куслюбай, и ставъ швердою ногою вызываетъ къ себѣ на единоборство. Никто не дерзаетъ вспушпшь съ нимъ въ оное; ибо всѣ знаютъ крѣпость силъ его. Послѣ многихъ перемѣнныхъ выборовъ опъ народа выходишь изъ круговины Арасланъ-бай, одинакихъ съ нимъ лѣпъ и мужеспва, но не столько въ борбѣ поворошливый. Берущся за кушаки и борящся; другъ друга шѣсняпъ, одинъ другаго силляпся поднпашъ, но не могутъ опдѣлишь опъ земли; и шолько попъ шечешъ по зардѣвшимъ ихъ лицамъ и всѣмъ членамъ. Куслюбай, негодуя на шоль упорное сопропивленіе, рѣшаешся

последнюю употребить уловку, и закинувъ руку, чрезъ плечо Арасланъ-бая, прижалъ голову къ себѣ подъ мышку сплоль крѣпко, что опнялъ у него всю силу, и схватя поперегъ, поднялъ вверхъ ногами и положилъ его спиною къ себѣ на голову. А чтобъ показатъ больше въ борьбѣ сей молодечества, нѣсколько разъ обернулся кругомъ и кинулъ его на землю, а самъ оспался на ногахъ, какъ будто ничего не дѣлалъ. Зрители удивились ловкости и силъ Куслюбаевой, и опредѣлили за одинъ сей подвигъ отдасть въ награду четвертую спавку, зимнюю шапку, черной лисой подбитую: ибо знали всѣ, что никто изъ находящихся шуть одолѣть его не можетъ.

Куслюбай хотя получилъ награду, но видя, что еще не было соспязанія объ одной спавкѣ, имянно юль-барсовой кожѣ, не выходилъ изъ круга и ждетъ себѣ противоборца. Тогда спарѣйшины и весь народъ единогласно присудили, что бы Кузь-курпачъ почпилъ память родителя своего и кончилъ борьбу съ Кус-

любаемъ. Сей молодой бапырь со скромношю опть того опговаривался, но при-неволенный гласомъ народнымъ вых-одипть на средину и хвапается за Ку-любая, копорый, зная ловкоспть его и си-лу, превосходящую молодья лъпа его, внупренно началъ раскаявапсь въ своей дерзоспи; но не могъ уже опть того опка-завсь. И пакъ берепсь за его кушакъ; и оба начинаюпть сперва дълапть опышы силъ своихъ. Средолъпнпй бапырь всей силой жметъ подъ бока младшаго, у копораго попть изъ всъхъ членовъ и слезы изъ глазъ выступили. Но и онъ въ свою очередь споль сильно спъснилъ объими руками бо-ка Кулюбая, что у сего послъдняго спер-лось дыханіе, и онъ кряхпль, подобно какъ скрипипть дубъ, бурею испоргае-мый. По шаковымъ обоеспороннимъ по-пыткамъ борцы узнаюпть другъ друга. Кузь-курпячъ, первый сдълалъ пріемъ; подхвапая его къ себъ на грудь, опдъллил опть земли и началъ верптьспъ; но сей поджалъ ноги, и пъмъ приподняпть себя выше не далъ свободы прошивнику, ко-порый и принужденъ былъ опяпть по-

спавишь его на ноги. Кусябай лишь только коснулся земли, то подвернулся плечомъ подъ грудь Кузь-курпяча и пощипилъ его на себя, чшобъ ударишь чрезъ плечо о землю. Казалось, что Карабаевъ сынъ исполился и уже терялъ равновѣсїе; но въ мигъ, отспавя назадъ ноги, шоль сильно на себя его пощипуль, что вздернуль его спиною къ себѣ на голову и назадъ перекинуль; и шѣмъ кончилъ борьбу на могилѣ опца своего.

Всѣ зрипели опть удивленїя и радости вскочили на ноги, и похваляя проворство въ борьбѣ молодого батыря, поднесли въ награду его подвига юль-барсову кожу: но онъ приняшь ее отпказался, говоря, что она не принадлежишь ему; попому что симъ преимуществомъ надъ Кусябаемъ онъ почипалъ себя обязанымъ болше случаю, нежели своимъ силамъ и умѣнью; и попому что спавилъ награды для состязующихся въ честь памяни Карабаевой; а самъ довольно награжденъ уже и шѣмъ, что былъ сынъ шполь любимого и всѣми почипаемого

родителя. Но естли бы позволено ему было располагать сею послѣднею ставкой; то бы онъ присудилъ . ошдашь ее Арасланъ-баю, хопя побѣжденному Кузлюбаемъ, но доспойному награды.

Народъ, еще больше восхищенный его скромностию и почпениемъ къ праху родительскому, похвалялъ сына, и благословлялъ опца; первому единодушно желалъ преуспѣвать въ добродѣтели, а послѣднему наслаждаться райскимъ блаженствомъ; и всѣ одобрили мнѣие Кузь-курпячево, чшобъ Арасланъбаю, хопя побѣжденному, но доспойному награды, ошдашь юль-барсову кожу. Карабаевъ сынъ благодарилъ ихъ почтительно за сіе снисхождение и за совершение подвиговъ въ память Карабаеву, и предложилъ имъ возвратиться въ ауль и пиршествомъ окончить поминки. Немѣдла всѣ послали на коней и поѣхали прямо къ кибишкамъ Кузь-курпячевымъ, гдѣ Алшыша, вдова Карабаева, все приготова, ихъ встрѣшила, и начала угощать со всевозможнымъ усердіемъ; зная, что

каждый изъ ея гостей 'быль Карабаю ближній, другъ его, поварищъ, собесѣдникъ, не щадила ни мясь, ни кумызу. Госпи насыщясь пищею, благодарили за усердіе хозяйку, и разошлись по своимъ кибшкамъ. Кузь-курпячъ, оспавшись одинъ съ маперью, рассказалъ ей о попѣхахъ бапырскихъ по желанію ея на могилѣ Карабаевой совершенныхъ. Алпыша, отдавъ послѣдній долгъ праху мужа своего, пролила слезы, но слезы удовольствія, слезы сердцу пріятныя *) попомъ дѣлала наспавленіе сыну своему, чпо бы онъ по примѣру опца своего, живя честно и добродѣтельно, заслужилъ опть соопечеспвенниковъ своихъ пакуюжъ, какъ и опецъ его, любовь въ жизни и почпеніе по смерпи. Кузь-курпячъ, непреспанно заняпый мыслію о Баянѣ, помышлялъ о способахъ ее опыскивашъ, но любя мапъ свою не хопѣлъ безъ воли ея предприняпъ сего. Чрезъ нѣсколько дней началъ съ великою ласкою испрашивапъ на по ея позволенія, представ-

*) Вдова дѣлая поминки по мужѣ, воздаешъ ему пѣмъ за порядочное съ нею сожитіе.

ляя, чпо онъ непремѣннымъ долгомъ
 почиаетъ исполнить волю родителя и
 женишься на дочери Сарабаевой; и какъ
 сія обязанность не даетъ ему покою,
 такъ еще болѣе любя Баяну, онъ жить
 безъ нея не можеть. Алпыша уди-
 вилась словамъ его, съ такою рѣшимъ-
 стію произнесеннымъ; ибо думала, чпо
 послѣ опказа Сарабаева онъ забылъ
 совсѣмъ Баяну. Но видя швердо при-
 нятое имъ намѣреніе, начала уговаривать
 его, чпобы оспавилъ оное. Съ начала
 представила ему опасности, которыя въ
 пакихъ опдаленныхъ мѣстахъ могли про-
 зойти отъ непріязни Сарабаевой. По-
 помъ напомнила ему объ обязанности
 дѣшей къ родителямъ, которую Маго-
 метъ въ Алкоранѣ своемъ предписы-
 ваеть. Къ сему прибавила: „ естли ты
 „ пребудешь непреклоненъ и отъ меня
 „ оплучишься; шо знай, чпо за болѣзнь
 „ мою, подъяшую въ рожденіи швоемъ,
 „ помилельная грусть изсосеть сердце
 „ швое. Молоко мое, пипавшее шебя въ
 „ младенчествѣ, будеть пѣснить грудь
 „ швою. За слезы мои оспановишь ше-

„бя въ пупи швоемъ волнующійся Кузь-
 „ашляръ *) и не допусшпшь чрезъ себя
 „переплышь . И наконецъ каждую ночь
 „во снѣ швоемъ самая шѣнь Карабаева,
 „копорой ты угодишь желаешь, укоряшь
 „шебя будешь, что оспавиль осиропѣв-
 „шую мать свою въ печали.“ Опъ словъ
 Алпышиныхъ прослезился Кузь-курпячь
 на шопъ разъ забылъ Баяну и обѣцал-
 ся матери своей оспавишь се намѣре-
 ніе; но опошедъ опъ нее, забылъ обѣца-
 ніе и опяшь возврашплся мыслию къ
 Баянѣ .

Въ семъ бореніи чувствъ молодой ба-
 тырь не зналъ, что дѣлать . Почтеніе къ
 матери удерживало его на родинѣ своей,
 а страсъ къ Баянѣ гнала его искашь ее
 повсюду . По долгомъ размышленіи послѣ-
 дняя взяла верхъ и заспавила рѣшишься
 молодого бапыря уѣхать опъ матери
 шайно . Въ семъ намѣреніи попросился
 у ней для ловли звѣрей съ другомъ сво-
 имъ Алдаромъ, копорый не зналъ его у-
 мысла . Мать, не подозрѣвая шакже его

*) Слезная рѣка, въ Алкоранѣ описанная .

въ помъ, оппустила охотно, снабдивъ изобильно дорожными припасами. Кузь-курпячь выбравъ изъ своихъ шабуновъ рѣзаго и надежнаго коня, назвалъ его Юдзъ-юлаучи *) и, проспясь съ маперью, поѣхалъ съ другомъ своимъ прямо къ озеру Казь-кулю, гдѣ нѣкогда бывалъ спань опца его съ Сарабаемъ. Остановясь путь кормить коней своихъ Кузь-курпячь началъ поварищу своему говорить слѣдующее:

„Алдарь! мы добрые друзья изъ дѣп-
 „спва; но не шверда и не надежна еще
 „дружба, опытами недоказанная. Теперь
 „есшъ къ тому случай, опъ копораго
 „зависитъ спокойствіе швоего Кузь-
 „курпяча. Но прежде, нежели о томъ
 „узнаешъ, я пребую опъ шебя кляшвы,
 „чпо ни въ чемъ не будешъ мнѣ преко-
 „словитъ, а исполнишъ шолько шо, о чемъ
 „я проситъ буду.“ Алдарь зная доброе
 сердце друга, увѣренъ былъ, чпо онъ не
 пошребуешъ опъ него ничего несправед-
 ливаго или безчестнаго, и безъ запинки по-

*) Звѣздный пушникъ.

клялся ему въ почности исполнить все;
 что онъ ему ни прикажеть. Кузь-кур-
 пичъ продолжалъ: „ ты знаешь, что
 „ отецъ мой хотѣлъ женишь меня на
 „ Баянъ, дочери Сарабаевой, которъ
 „ далъ ему дружеское и слѣдовапельно
 „ вѣрное слово. Обнадежась симъ отецъ
 „ мой приучилъ меня изъ дѣтства назы-
 „ вать Баяну своею. Я любилъ Баяну, а
 „ Баяна любила меня; хопя мы никогда
 „ другъ друга не видали. Сія привычка,
 „ произшедшая отъ дружбы и согласія
 „ родителей нашихъ, обрапилась на-
 „ конецъ въ мою собственную и уже непре-
 „ одолимую спрасъ. Но вѣроломный
 „ Сарабай по смерти отца моего забылъ
 „ его дружбу и презрѣлъ меня. Его об-
 „ спояпельства перемѣнились, но мое
 „ сердце оспалось тоже. Онъ не хочеть
 „ выдать за меня Баяну, а я не могу безъ ее
 „ жить.... И шакъ, мой другъ! вду искашь
 „ Баяну и найду. Еспьли она по прину-
 „ денію отца своего выходить за сулпа-
 „ на Ай-кару; то согласится на побѣгъ
 „ со мною, и мнѣ не трудно будетъ свою
 „ ношу увезти съ собою; но когда забывъ

„меня, на сіе не согласишся; тогда пре-
 „зрю ее и возвращусь къ вамъ вскорѣ.
 „До сей поры я рассказывалъ тебѣ поль-
 „ко о моемъ намѣреніи и обспояпель-
 „спвахъ; но услуга ожидаемая мною отъ
 „твоей дружбы есть слѣдующая: ты
 „знаешь, мой другъ, горячую любовь ко
 „мнѣ моей матери и мое къ ней почпе-
 „ніе. Она никогда не согласилась бы
 „опустить меня, особливо одного, въ
 „опдаленную и неизвѣстную сторону.
 „И потому я вздумалъ ухватить не ска-
 „завшись ей. Тебя же прошу возвратиться
 „назадъ сказать ей все, что отъ ме-
 „ня слышалъ, занявъ при ней мое мѣс-
 „то, имѣвъ ту же заботливостъ и усер-
 „діе, коимъ сынъ обязанъ матери, а бо-
 „лѣе упѣшатъ ее въ печали, отъ моего
 „отъѣзда произойти могущей. Предспа-
 „вляй непреодолимую спрасъ мою къ
 „Баянѣ и обязанностъ исполнивъ волю
 „родительскую; тѣмъ уменьшай въ гла-
 „захъ ея мой пропускъ и обнадежи-
 „вай ее скорымъ моимъ возвращеніемъ.“
 Алдаръ непредвидѣвшій его намѣренія,
 раскаявался въ произнесенной клятвѣ.

Онъ любилъ Кузь-курпяча отъ всего сердца, не хопѣлъ съ нимъ распанься и просилъ для безопасности взять и его съ собою; но женихъ Баяны, по праву взятой кляпвы, заставилъ его молчать и себѣ повиноваться, примолвя: „Я одинъ „ люблю Баяну, одинъ хочу доспать ее; „ поспороннюю же помощь вмѣняю себѣ „ въ малодушіе.“ И такъ друзья со слезами проспились и разъѣхались.

Дорогою Алдаръ разсуждалъ, какимъ образомъ лучше исполнишь порученіе своего друга и не опечалишь вдругъ матери его. Долго ломалъ себѣ голову, но ничего не выдумалъ. Непривыкшій къ вымысламъ Башкирецъ не могъ опспустить отъ правды и сказать другое, нежели что было. Возвращаясь въ аулъ онъ пошелъ къ Алпышѣ и рассказалъ ей слово въ слово, что сынъ ея приказывалъ. Вдова Карабаева съ твердостью выслушала вѣсть сію и казалась спокойною, просила Алдара спустить мѣсто сына ея и управлять хозяйствомъ. Но природа скоро попомъ опозвалась въ душѣ ея. Мать,

можешь бышь, навсегда распавшаяся съ
сыномъ своимъ, начала горько плакашь,
приговаривая:

Ты кочевье мое красное!

Преворилось ты въ пущую степь;
Не съ кѣмъ думы мнѣ подумати,
Не съ кѣмъ слова мнѣ промолвиши.
Проложу пропу широкую
Ко могилѣ Карабаевой,
Понесу туда поску свою
И ему о ней повѣдаю.

О мой вѣрный незабвенный другъ!

Съ пвоей жизнью все кончилось,
Миновались мои ясны дни,
Ты унесъ съ собой все радости,
Мнѣ оставилъ однѣ горести.
Не въ упѣху мнѣ и милый сынъ:
Не прослась съ родною матерью,
Онъ поѣхалъ въ орду дальнюю
За добычею сердечною;
Онъ сманиши хочешь дѣвицу
Себѣ въ дружку вѣковѣчную.

О мой вѣрный не забвенный другъ!

Ты не слышишь моей жалобы,
Позабылъ вдову печальную,
Райскихъ гурій упѣшаючи.

Какъ кукушка непосѣдная,
Изо всехъ птицъ горемышная,

Не вѣсть теплаго гнѣзда себѣ,
 Не сидишь сама надъ яйцами,
 Не выводишь молодыхъ птенцовъ;
 Отъ того кукуешь жадно
 Половину лѣта теплаго:

Такъ вдова осиротѣвшая,
 Всѣхъ подругъ своихъ несчастнѣе,
 Изъ печальныхъ всѣхъ печальнѣе,
 Въ горѣ съ утра и до вечера
 По степямъ брожу безмолвная.
 Я лишилась мужа бабыря,
 Разлучилась съ сыномъ ласковымъ,
 И невѣсть, когда удивуся.

Похудѣли кони добрые
 Безъ присмотра Кузь-курпачева,
 Всѣ коровы въ табунѣ моемъ
 Присушили молоко свое;
 Ихъ загрубло вымя полное,
 И нельзя теперъ доиши ихъ;
 А бараны длинношерстные,
 На пригонахъ не бываючи,
 Расперали волну бѣлую.

Отъ печали столько горькія
 До свиданья съ сыномъ ласковымъ
 Зарекусь не разводиль огня.
 Пусть копылы спояшь заржавлены:
 Не варишь въ нихъ мяса жирнаго;
 Пусть ножи лежатъ прищуплены:
 Не крошишь мнѣ ими бишь бармакъ.

Не пойду шеперь коровъ доить
 И не спану каймаку варить,
 Да и крупъ больше не надобень,
 Нѣшь посуды масло вспахшывашь,
 Всѣ кадушки поразсохлися,
 Всѣ мушовки подомалися.
 Всѣ дѣдилки запыдилися-

Я не спану и кобыль доить,
 Мнѣ кумызу дѣлать не къ чему;
 Подаваши его нѣкому,
 Самой въ горѣ пить не хочешся.

Сими и подобными мыслями занималась
 Алпыша въ гореспи своей; между пѣмъ
 сынъ ея продолжалъ путь свой по степямъ
 Киргизскимъ къ аулу Сарабаеву. Скоро доѣхалъ онъ до мѣста, гдѣ было
 прежде его кочевье, но какъ удивился, не
 нашедъ шамъ не только Сарабая съ се-
 мействомъ, но ниже коголибо посторон-
 няго, опъ кого бы онъ могъ узнать, въ
 какую спорону и мѣсто перекочевалъ
 онъ. Два дни ѣздилъ во всѣ спороны
 почпи безъ опдыха вокругъ кочевья, о-
 спавленнаго Сарабаемъ, но безъ пользы.
 На претпій намѣревался еще продолжашь-
 свой поискъ; но внезапно оспановилъ его
 явившійся ему Авлія, говоря:,, сынъ Ка-

„рабаевъ! ты теряешь время, думая
 „найди здѣсь Сарабая. Онъ кочуетъ
 „шеперь при устьѣ Аму-дарьи, а оп-
 „шуда, по условію съ Ханомъ, переѣ-
 „детъ скоро для совершенія свадьбы на
 „Кара-су. Тебѣ надобно ускорить свою
 „ѣзду и получишь Баяну свою суженую.
 „Пусть сей далекъ и тѣмъ болѣе прудень,
 „что оставшіеся братья изпреблен-
 „ныхъ вами Дю-пріевъ поклялись по-
 „губить тебя и не замѣдяпъ приспу-
 „пить къ исполненію своего намѣренія;
 „но будь, сынъ мой, неуспрашимъ и
 „швердъ и уповай на помощь Магоме-
 „шову. Что до меня, то уже аджаль
 „моя исполнилась и нафяка кончилась,
 „и я не могу больше быть тебѣ полез-
 „нымъ. Къ пособіюже твоему могу сдѣ-
 „лать только то, чтобъ поручить те-
 „бя доброй Мяскя *), живущей на пяп-
 „напцать дней ѣзды опсюда на полдень,
 „коцорая подастъ тебѣ наспавленіе въ
 „швоемъ поискѣ. Меня же, опходящаго
 „насладишься райскимъ блаженспвомъ и

*) Волшебница, знаніе свое на добро употреб-
 ляющая.

„получишь шамъ обѣшгованныхъ пра-
 „вовѣрнымъ свѣшлыхъ дѣвъ, похорони,
 „по заповѣди Магомета, лицомъ на пол-
 „день.“ Съ словомъ симъ упалъ и изпу-
 стилъ духъ. Батырь удивлялся скоропос-
 пижной смерти Авлія, и почипая для
 себя небесною милостию доставленной
 ему случай похоронить вдохновеннаго,
 съ благоговѣніемъ и почностию исполнилъ
 его приказаніе, и поклонясь могилѣ его,
 поѣхалъ на полдень искашь Мяскай. На
 пуши попадалось много ему звѣрей плошо-
 ядныхъ и лакомъ пипающихся. Первыхъ
 убивалъ онъ по охотѣ къ звѣриному про-
 мыслу *), а въ послѣднихъ спрѣлялъ изъ
 лука, или догнавъ на конѣ своемъ, уби-
 валъ ихъ плешью для забавы и употрѣб-
 лялъ себѣ иногда въ пищу; ибо домовой
 запасъ его уже весь изошелъ. Когда оста-
 навливался кормить своего добраго Юл-
 дузь-юлауча, тогда освѣжевавъ разни-
 малъ на части заспрѣленнаго имъ оленя,
 козу или зайца, и разведя огонь, жарилъ

*) Башкирцы почипали славою и молодечествомъ
 убивать свирѣпыхъ звѣрей; и чѣмъ сильнѣе и
 свирѣпѣе былъ таковой звѣрь, тѣмъ больше
 приносилъ чести звѣродову.

на шешлыкъ *), обливая часто (пузлукомъ **), чшобъ мясо не пригорало. Такимъ образомъ приготова себъ ужинъ, съ добрымъ аппепиномъ ъль довольно и спалъ крѣпко до самаго разсвѣта, подспилая подъ бока сѣдельный попникъ, а подъ голову подкладывая съ сѣдла подушку. Ложась же спать, для безопасности держалъ подлѣ себя саблю, а передъ собою клалъ плешь прямо на полдень, дабы не сбихся съ пужи, показаннаго ему Авліей. По сему по указапелю спавши по утру, безъ ошибки узнавалъ полдень и выѣзжалъ съ мѣста. Въ пятнадцатый день приѣхалъ онъ къ неприступнымъ горамъ, расположеннымъ въ видѣ чепыреугольника, котораго каждый бокъ длиною былъ на пять или на шесть перестрѣловъ. Карабаевъ сынъ удивился чудному сцѣпленію горъ, и поворошилъ въ право около оныхъ въ объѣздъ. Проѣхавъ полночной, западной и полдневной бокъ, ни малѣйшаго не примѣшилъ проѣзда сквозь горъ. Всѣ они какъ будто слились въ

*) Деревянной вертель.

**) Вода круто соленая.

одну; только верьхи ихъ, облаковъ касающіеся, раздѣлялись на подобіе шаровъ. Башырь разполагался ѣхать далѣе, не думая ни мало о томъ, что находилось между сими горами; но по нѣкому шайному предчувствію захотѣлъ объѣхать и восточную сторону, и только поверопилъ на оную, какъ и увидѣлъ рѣку, впекающую въ опверстіе, между горъ находящееся. По берегамъ рѣки въ два ряда росли деревья, полъ правильно между собою разположенныя, что башырю попчасъ пришла мысль, что они искусными руками человѣческими были разсажены. Тутъ увидѣлъ онъ шабуны коней и спада коровъ и овецъ, на мягкой муравѣ пасущихся, и конь его непрестанно наклонялся щипать оную. Подѣхавъ къ устью рѣки ни малѣйшей не нашель пропы для проѣзда; ибо она съ шумомъ быспро впекала между двухъ ушесовъ, опвѣсно споявшихъ. Смѣлый башырь не долго разсуждалъ о проѣздѣ своемъ. Ослабя подпруги сѣдельныя у коня своего, пуспился вплавъ по печенію рѣки, и проплывъ между горъ разстояніе на

брошенной искусною и сильною рукою камень, увидѣль проспранную равнину и рѣку, разлившуюся по оной на подобіе большаго круглаго озера, по которому плавали разнородныя ппицы. Батырь, по горло обмоченной, едва успѣлъ выплыть съ концемъ на берегъ; какъ всѣ видѣнныя имъ ппицы закричали необыкновенно громко; опъ чего конь его испугавшись началъ прыгать на дыбы. Батырь усмиривъ его, повелъ за собою по равнинѣ и увидѣль вдали распавленную кибипку и бѣлыми, какъ снѣгъ, кошмами покрышую. Ужасной величины песь бѣжалъ прямо на него съ отверстою пасью и налившимися кровью глазами. Батырь выхватя свою саблю уже гоповилса его поразить. Но песь на пяць шаговъ до него, недобѣжавъ оспановилса, и поглядѣвъ въ глаза, началъ ласкаться, какъ къ своему хозяину, и въ мигъ оборопся побѣжалъ назадъ къ кибипкѣ. Батырь догадывалса, что пупъ жила Мяскяй; хопя Авлія и не назначилъ почно ея мѣсто-пребыванія. Онъ увидѣлъ опяпъ погопса у входа кибипки споящаго и къ нему

ласкающагося. Почтя сіе добрымъ признакомъ выговорилъ: „*Роксадъ* *)!“ и смѣло вошелъ въ кибипку. Мяскай сидѣла на красной сафьянной подушкѣ, положенной на разосланномъ Персидскомъ коврѣ. Видъ ея не былъ суровъ, и хотя она казалась спара, но еще довольно свѣжа. Волосы ея переплешены были мѣлкими косичками въ знакъ того, что она была дѣва. Плащье на ней было бѣлое; въ рукахъ держала она чешки и перебирая ихъ произносила таинственныя слова. Батпырь вошедъ, спросилъ ее о здоровьѣ, а она взглянувъ на него сказала: „*Благо, дарю великаго пророка, что привелъ въ смиренное мое жилище сына Карабаева. Сядь и успокойся!*“ Посемъ кликнула своего Чулпукъ-куша (это было имя ея пса) и произнесла таинственныя при слова: *Силкинъ, Итымъ, Силканъ*. Песъ вышедъ на средину кибипки и спавъ на разосланной коверѣ, поднявъ дыбомъ шерсть свою, началъ опряхашься, и изъ шерсти его посыпалась бѣ-

*) Слово, требующее позволенія войти.

лая пшеница. Мяскяй вставши, собрала ее и положила въ кошель, попомъ налила чиспою водою, и приправя все масломъ и крупомъ, сварила курманъ *) и наспавила передъ госпя своего молочной пици, каймаку прѣснаго и заквашеннаго, шакъ же и кашыку кислаго, копорый разведя чиспой водою сдѣлала айрянъ, и наливъ его и кумызу въ большія чаши, просила госпя своего пипъ и ѣспъ, извиняясь, что лучшей пици не можешь предложитъ ему: ибо по ея званію запрещается ей употреблять мясо. Попомъ разпрашивала его объ опцѣ его, прибавя: „ я „ слыхала много о немъ похвальнаго опъ „ единоплеменниковъ своихъ и не знавши „ его весьма много почипала; ибо онъ и „ самъ опъ чиспаго сердца любилъ всякаго „ музульманина: по склонности своей ча- „ спю угощалъ ихъ пищею; по безкоры- „ спію помогалъ имъ имущеспвомъ сво- „ имъ, и по любви къ человѣчеспву не „ оспавлялъ ихъ совѣпами; а по мягкосер- „ дію миролюбиво жилъ съ ними. Тако-

*) Кушанье изъ пшена, приправленное масломъ и крупомъ.

„вья свѣйства служатъ признакомъ ис-
 „шиннаго музульманина, достойнаго
 „именоваться бапыремъ, каковыхъ я во
 „всю мою пяписопльшнюю жизнь меж-
 „ду своими единоплеменниками не зна-
 „ла, и даже никогда о шаковыхъ не слы-
 „хала. Многимъ даюшъ названіе бапы-
 „рей, но ни одинъ изъ нихъ не имѣешъ
 „пошребныхъ къ тому добродѣтелей.
 „Вся слава ихъ въ обманахъ, гордости,
 „корысполюби и бараншахъ. Посему
 „по ихъ навыку и бапырь Сарабай пре-
 „зрѣлъ тебя, какъ Ишпяка, опъ гордо-
 „сти, опказалъ тебѣ опъ дочери своей
 „по неблагодарности, а просваталъ ее
 „за ханскаго сына по корысполюбию.
 „Тебѣ же, сынъ мой, предопредѣлено
 „слѣдовать по пущамъ опца швоего,
 „сравнишья въ славу съ нимъ, но не пре-
 „взойши его въ добродѣтеляхъ. Помом-
 „спво васъ обоихъ, яко своихъ родона-
 „чальниковъ, до поздыхъ временъ про-
 „славлять будетъ. Курайчи изъ рода
 „въ родъ воспоюшъ похвальныя ваши дѣ-
 „янія. Народъ съ радоспнымъ сердцемъ
 „послушаетъ ихъ и будетъ имъ сорев-

„ новашь. Никогда не умолкнешь о вась
 „ сладчайшая бесѣда аксакаловъ; ни од-
 „ на машь не вскормишь дитя свое безъ
 „ пого, чшобъ лаская его не уподобить
 „ бапырю Карабаю; ни одинъ отецъ, са-
 „ жая на коня сына своего, не преминешь
 „ сказаць ему: такимъ-то образомъ у-
 „ правлялъ конемъ бапырь Карабай! или
 „ вручая лукъ: шакъ-то принимался за
 „ лукъ Кузь-курпячъ! Всякому бапырю
 „ и наѣзднику, сдѣлавшему чшолибо по-
 „ хвальное, лучшею будетъ наградою;
 „ когда его дѣянїе примѣняшъ къ какому-
 „ нибудь дѣянїю Карабаеву. Такова-то,
 „ мой сынъ, добродѣшельная жизнь, дѣи-
 „ ствующая и на позднее потомство! А
 „ чшобъ все сіе вѣдашь тебѣ яснѣе, ве-
 „ ликій нашъ пророкъ повелѣлъ мнѣ по-
 „ казаць тебѣ все будущее въ очарован-
 „ ныхъ видахъ.“

Мяскай повела съ собою бапыря къ
 пещерѣ, въ горѣ находящейся, которая
 заперена была мѣдною дверью и запер-
 та шремя спальными замками. Она вы-
 говорила при слова; замки шшчасъ

поспадали, и дверь съ ужаснымъ скрипомъ отворилась. Водшедь въ припворь, оспавила шущь башыря, а сама отворивъ другую дверь, пошла далѣе и оную за собой захлопнула. Вскорѣ вышла передѣтая въ длинное черное плашье, подѣ покрываломъ такогожь цвѣща. Въ одной рукѣ держала чешки, а въ другой курильницу съ благовоніями. Окуря пять разъ припворь и башыря, завязала ему глаза, и взявъ за руку, повела во внутренность пещеры. Тамъ заспавила его произнести иѣсколько невразумительныхъ словъ и развязала глаза. Карабаевъ сынъ пришелъ въ священный ужасъ, увидѣвъ необыкновенное для глазъ его зрѣлище. Въ сію пещеру не входилъ солнечный свѣтъ; но освящена она была осмью свѣщильниками, на сводѣ пещеры въ два ряда висѣвшими. Прошивъ ихъ въ спѣнѣ вѣдлана была чешыреугольная равноспоронная доска, по краямъ обложенная марьяномъ и жемчугомъ. Каждый бокъ ея былъ слишкомъ на три шага. Доска сія была столь гладка, что испускала опъ себя блескъ; а всего удивительнѣе для башы-

ря было то, что горячіе свѣшильники и все, находящееся въ пещерѣ, за доской показывалось; и онъ видѣлъ памъ Мяскай и себя самага. Еспьли онъ стоялъ прямо, то и памъ видѣлъ себя прямо стоящимъ; а когда наклонялся, ходилъ или поворачивался, то и за доскою видѣлъ поже, и какъ бы во всемъ самъ себя передразнивалъ. Много удивлялся онъ вещи, въ первой разъ имъ видимой. Мяскай пому улыбалась и поставила его среди пещеры, лицомъ прошивъ доски, попомъ наполнивъ мѣдную чашу чистою водою, поставила ее подлѣ бапыря, посемъ обошедъ его прикрапно и поднявъ руки къ верху, произнесла что-то непонятное. Вругъ ударилъ громъ; потряслась гора и пещера; таинственная вода въ чашѣ начала колебаться, и бапырь, не могши устоять на ногахъ, палъ на колѣни. Вскорѣ все утихло, и Мяскай подошедъ къ бапырю, говорила: „сынъ мой! успокойся и смотри примѣчательнѣе въ сію очарованную доску; на все, что памъ увидишь, я дамъ тебѣ исполкваніе; но спрашись оглянущься назадъ: въ

„по мгновеніе, какъ оглянешся, разсту-
 „пится земля, и ты сквозь нее прова-
 „лишься и погибнешь на вѣки.“ Мяскай
 опспушила назадъ въ самой цемный и
 опдаленный уголь; а бапырь увидѣлъ въ
 очаророванной доскѣ прекраснѣйшую дѣ-
 вицу, пріятно на него смотрящую. Опъ
 сего привидѣнія сердце начало бипсья
 въ сынѣ Карабаевомъ; душа гоповилась
 изъ него вылешъшь и переселилась въ
 оное, а для чего, онъ самъ того не вѣдалъ.
 Много чувспвоваль, но ничего не пони-
 малъ; жедаль, но самъ не зналъ, чего. Въ
 таковомъ волненіи невѣдомыхъ ему чув-
 спвованій пребылъ онъ довольно долгое
 время, наконецъ кинулся и хопѣлъ об-
 няшь дѣвицу; но очарованная доска не до-
 пустила его, и онъ забывшись едва не об-
 рапился спросить Мяскай о семъ приви-
 дѣніи. Но она примѣща его намѣреніе, за-
 кричала: „спой, дерзновецный! и неогля-
 „дывайся; уже пропасть гопова пожрашь
 „тебя. Ты хочешь спросить о дѣвицѣ,
 „шебѣ явившейся. Это Баяна, швоя су-
 „женая; душа ея спольже прекрасна,
 „какъ и лице, шобою видѣнное.“ Сколь

ни велика была сила очарованной доски, но явившееся въ ней привидѣніе гораздо сильнѣе очаровало чувства башыря; и чѣмъ больше онъ смотрѣлъ на него, тѣмъ съдѣнѣ билось въ немъ сердце; но жестокая Мяскай, не давъ ему насытиться зрѣнія своего, произнесла одно слово, и привидѣніе исчезло. Въспомогъ онъ на конѣ молодого и прекраснаго башыря, съ ногъ до головы вооруженнаго. — „Эпо- сынъ пвои, башырь Бар- „лыбай, имѣющій родиться отъ Баяны, „будущей жены пвоей! онъ достоинъ „будеть отца своего и дѣда. Смотри „на стоящихъ за нимъ въ кольчугахъ се- „мерыхъ сыновъ его, кой именуется: Бур- „зянь, Усярганъ, Тамьянь, Кыпчакъ, „Бушмасъ, Кара-кыпчакъ и Тенгауръ. Отъ „нихъ произойдутъ семь колѣнъ башкир- „скихъ и наименуются по симъ родона- „чальникахъ. Смотри по сторонамъ „размножившееся ихъ потомство.“ — Кузь-курпачъ съ полнымъ душевнымъ удовольствіемъ разсматривалъ, какъ отецъ семейства, всѣ сн явленія. Наконецъ примѣшивъ нѣчто непонянное

спросилъ: „что за смяшеніе поль мно-
 „гочисленнаго и вооруженнаго народа? Я
 „вижу повсюду спрахъ, и мнѣ кажешся,
 „что шамъ на звѣроловствѣ пригото-
 „вляюся къ оборонѣ опъ свирѣпыхъ ара-
 „слановъ и кровожаждущихъ юль-бар-
 „совъ.“ — „Сынъ мой! опвѣчала Мяс-
 „кяй, пошомки пвои пригото-
 „вляюся къ войнѣ.“ — „Къ войнѣ! вскричалъ ба-
 „пыръ; О! эпого чудовища я еще не
 „видывалъ. Оно должно бытъ люпѣ
 „всѣхъ араслановъ и юль-барсовъ; когда
 „на него шакое множество народа сби-
 „раешся.“ Мяскяй улыбулась просп-
 „пѣ молодаго бапыря и сказала: „добрый
 „Карабаевъ сынъ! надобно тебя вразу-
 „мишь, что шакое война и опъ какихъ
 „причинъ производишь.“

„Изкони судьбами Вышняго предо-
 „предѣлено въ размножившихся попом-
 „кахъ швоихъ преспашъ безначалію, и
 „имъ порабощишь власти одного силь-
 „нѣйшаго въ свѣпѣ Хана. Они по навѣ-
 „шамъ коварныхъ и злобныхъ дью-пяріевъ
 „осшавивъ обычаи опцевъ своихъ, начнушь

развращаться во нравахъ. Опъ того произойдетъ своеволие, опъ сего родитъся безпорядокъ, а за симъ неминуемо послѣдуютъ раздоръ и несогласіе. По симъ-то причинамъ великій Магомешъ, пекущійся о благѣ Музульманъ своихъ, предположитъ поработитъ ихъ единовластію бѣлаго Хаца. Сей великій завоеватель, разширяя границы свои на полдень до успья рѣки Раа *), впадающей въ Акъ-Дынъгизъ **), достигнетъ и на воспокъ до береговъ рѣкъ Ирпыша и Яика ***), гдѣ попомство свое обитать будетъ. Какъ ничто силъ его прощившась не можетъ; по и народъ башкирскій покорился его оружію. — „Итакъ попомство мое подъ единовластіемъ бѣлыхъ Хановъ будетъ благополучно? “ — „Такъ устроивалъ великій нашъ пророкъ; но седьмиродцы не скоро еще вкусятъ оное мирное житіе, имъ обѣщанное. Злобные чародѣи покусятся, хопя безъ успѣха, еще пять крапъ на ихъ изтребленіе, или по край-

*) Волга. **) Каспійское море. ***) Уралъ.

ней мѣръ будущъ спараться учинишь ихъ злополучными. Они коварные, не смѣя возспашъ явно, начнушъ тайно разсѣвать въ нихъ раздоры; опъ чего сіи сполько обуяюшъ, чпо вознамѣряшя подняшъ оружіе прошивъ бѣлыхъ Хановъ (и сіе-що называется война), дабы успѣхами онаго опдложись опъ ихъ подданства (эпо есть причина войны). Вошъ тебѣ, сынъ мой, изъясненіе сего неисповаго чудовища, пожирающаго попомковъ швоихъ, и невѣдомаго доселѣ въ мирныхъ вашихъ аулахъ.“

„Смотри шеперь на начинщиковъ оныхъ мяшежей, сихъ чешырехъ башырей, во всеоружіи сидящихъ на коняхъ. Они появяшя одинъ послѣ другаго чрезъ многіе годы и будущъ имѣшъ оплич-
 „ ный умъ и мужество. Первый, копо-
 „ раго шы видишь на игренемъ конѣ и
 „ въ кольчугѣ, есть шродпріимчивый ба-
 „ шыръ Карасакаль. Онъ возмушишъ еди-
 „ нородцевъ своихъ прошивъ бѣлаго Ха-
 „ на, долженствующаго обладать шогда
 „ Уруссами *) . Многіе сдѣлаюшъ нападе-

*) Россіане

„ніе на бѣлыхъ воиновъ, и многое испребленіе послѣдуетъ единородцамъ шюимъ; но кто постоитъ прошивъ силы ихъ? Карасакаль по многихъ неудачныхъ сшибкахъ признаетъ со своими поварами опять власть бѣлаго Хана.“

„Впорый подлѣ него неуспрашимый бапырь Акай, весьма крѣпкій и сильный, подъемлетъ оружіе прошивъ великаго и перваго Падиши бапыря Уруссовъ. Сей чудеса явитъ своею саблею, опняпой имъ на бараншѣ опъ Киргизскаго бапыря Саракула. Но сія чудесная сабля въ крѣпкой рукѣ Акаевой не возможетъ опрашитъ воиновъ Падиши бапыря.“

„Третій за нимъ мужественный Кильмакъ. Бѣлой конь подъ нимъ произойдетъ опъ породы сильнаго швоего Юлдузюлаучи и горской кобылицы. Онъ силою своею превзойдетъ юль-барсовъ, и рѣзвостію упредитъ вѣпры; а всадникъ примѣромъ мужества своего возбудитъ единопленниковъ своихъ къ сильнымъ нападеніямъ на воиновъ вдовспвующія Падид-

ши Урусовъ: но кто противъ Бога и бѣлой Падиши? Башырь Кильмакъ и всѣ его поваричи смиряшся и преклоняшъ предъ нею колѣна.“

„Четвертый во всеоружіи сидящій на чубаромъ аргамакъ смѣлый и мужественный Башырьша. Онъ съ однимъ родомъ своимъ, произшедшимъ отъ Бурзяна, восстанешъ противъ бѣлой Падиши дѣвицы, имѣющей владѣшь тогда Уруссами. Прочіе же шесть родовъ пребудушъ въ миръ: ибо злые духи не возмогушъ поколебать ихъ вѣрности; и по многихъ неудачахъ Бурзяны *) падушъ; Уруссы возторжествуюшъ и покоряшъ ихъ Падишѣ своей, коея благоспѣ даруешъ имъ милоспѣ и прощение.“

„Теперь смотри, мой сынъ, на пятое и послѣднее возмущение Башкирцевъ, которое имѣешъ послѣдовать во время владѣнія вдовспвующія Падиши, великою наименованной. Въ обширныхъ ея владѣніяхъ возродишся изувѣрство, къ коше-

(*) Башкирцы

рому и сей мяпежъ приобщился. Но умомъ и дѣлами великая не благоволишь буйство укрощать силою, а прошивопоспавишь оному кропоспъ и милосердіе. Симъ обезоруживъ мяпежниковъ, приведешъ въ повиновение, и водворишь миръ и тишину въ державѣ своей. И опшоль злобные дѣю-пари не дерзнуть болѣе возмущать спокойствіе сыновъ швоихъ.“

„Смотри шеперь на бѣлыхъ воиновъ, собравшихся прошивъ нашихъ бапырей!“ Карабаевъ сынъ взглянулъ на нихъ, и содрогнулся: ибо увидѣлъ народъ, совсѣмъ ему невѣдомой. Одинакое на всѣхъ одѣяніе, одинакое у всѣхъ вооруженіе, спройноспъ конныхъ и пѣшихъ рядовъ и чинный оныхъ ходъ премного его удивили. Долго разсмаприваль и примѣчаль онъ все, находившееся въ спрояхъ Уруссовъ, и наконецъ спросилъ, къ чему пошребны видѣнные имъ мѣдные и кругло обдѣланные сподбы, на двухъ верпящихся кругахъ *) везомые.--„О сынъ мой! вздо-

*) Башкирцы употребленія колесъ тогда еще не знали.

хнувши отвѣчала Мяскай, эпто пагубныя
огнедышущія жерла! Въ нихъ кладушь
черную пыль и нѣсколько чугуновыхъ ша-
ровъ; и едва коснешся къ сей пыли огонь,
мгновенно съ молніей и громомъ изрыга-
ють они изъ себя гибельный снарядъ, и
смертельно поражаютъ вдругъ по соннѣ
и болѣе бапырей, и нѣтъ въ свѣтѣ ни-
единого могущаго перенести ударъ его: “
Бапырь вздохнулъ тяжко, и слезы пока-
пились по лицу его. Потомъ спросилъ:
„кто изобрѣлъ вредоносную черную
пыль?“ - „Злое изчадіе изшребленныхъ ва-
„ми дью-пяріевъ. Они клялись погубишь
„весь родъ Карабаевъ, и кляпву сію поло-
„жили на все свое коварное племя.“

„Но се время, съкоего возникнетъ благо-
„денствіе швоего рода! благоговѣй предъ
„симъ достопочтеннымъ Мурзою, при-
„сланнымъ опъ своея Падиши дѣвицы
„власпелиномъ всего полдневнаго края.
„Смопри, какъ сей ученикъ и воспитан-
„никъ Падиши бапыря, ѣздя по пуспымъ
„берегамъ Яика до неизмѣримаго Акъ-
„Дынгиза, обзрѣваешь мѣспа и оныя

„ измѣряетъ; созидаетъ грады, и населя-
 „ етъ жилища, совсѣмъ нашимъ неподоб-
 „ ныя; ограждаетъ оныя укрѣпленіями
 „ опъ наѣздниковъ Кыръ-казаковъ, по-
 „ ставляетъ опряды и маяки для безо-
 „ пасности Уруссовъ. Здѣсь ты видишь
 „ его въ пыли и пошѣ прудящагося въ
 „ созидніи, а тамъ сидящаго за споломъ
 „ и дающаго всѣмъ разновѣрцамъ судъ и
 „ правду. И не лзя вѣришь, чшобъ все
 „ видѣшь, все дѣлать и всѣмъ распоря-
 „ жать могъ одинъ; но плодовиый и не-
 „ упомимый умъ его успѣваетъ вездѣ:
 „ изобрѣшаетъ, шворишь и созидаетъ.“

„ Посмотри на сей величественный,
 „ имъ созданный градъ, окруженный рвомъ
 „ и неприслупною каменною стѣною!
 „ смотри, какъ красуясь возвышаютъ-
 „ ся златоверхіе храмы Бога Уруссовъ,
 „ имъ воздвигнутые. Смотри на башни,
 „ на гостинницы, на дома ихъ, изъ швер-
 „ дыхъ камней и полныхъ деревь пос-
 „ проенные. Смотри по другую сторону
 „ Яика на сей обширный и едва предѣлы
 „ имъющій Караванъ-сарай, и на спечение

„ въ немъ поль многочисленнаго разныхъ
 „ племень народа. Тамъ Кыръ-казаки про-
 „ мѣнивають скопъ свой Уруссамъ, а
 „ здѣсь Сарпы (*) повары земли своей.
 „ Попечительный хозяинъ все предви-
 „ дѣлъ, все придумалъ, все устроилъ. Онъ
 „ шѣмъ Падипшъ своей и соотечествен-
 „ никамъ великую доставилъ пользу.
 „ Онъ-то первый оснуетъ надежду на
 „ своихъ соплеменникахъ въ охраненіи
 „ полдневнаго края отъ набѣговъ набѣдни-
 „ ковъ Кыръ-казаковъ. Онъ начнетъ въ
 „ семиродцахъ вводити порядокъ, раздѣ-
 „ ля ихъ на волости, тысячи, сотни,
 „ и проч. Тѣмъ прекрапитъ ихъ раздоры,
 „ отъ безначалія производящіе. Онъ воз-
 „ любитъ простоту ихъ нравовъ и воз-
 „ веселился духомъ о доставленіи ихъ, и
 „ не будетъ на землѣ равнаго его благо-
 „ сердію, развѣ Магомешово.“

Батыръ преклоня колѣна и прижавъ
 руки къ персямъ своимъ, смотрѣлъ съ
 почтениемъ на благошворителя попомъ-
 ковъ своихъ.

(*) Бухарцы.

„Сколь много вижу я еще, благодѣ-
 „тельная Мяскай, съ живоспѣку вскри-
 „чалъ батырь, добрыхъ и дружелюбныхъ
 „людей, ѣздящихъ по ауламъ и кочевь-
 „ямъ попомковъ моихъ и раздающихъ
 „имъ подарки. Набожной видъ ихъ ка-
 „жетъ истинныхъ Музульманъ. Они по-
 „вязываютъ чалмы, дѣлаютъ часпыя
 „омовенія, читаютъ Алкоранъ и доуча-
 „ютъ невѣдущихъ попомковъ моихъ
 „заповѣдямъ Магомешовымъ.“ — „Нѣтъ,
 „мой добрый Кузь-курпачъ! отвѣчала
 „Мяскай, ты много обманываешься, раз-
 „суждая такимъ образомъ о сихъ друзь-
 „яхъ соплеменниковъ своихъ. Сіи люди
 „подобны вкрадывающимся змѣямъ, уяз-
 „вляющимъ попомковъ своихъ, и остав-
 „ляющимъ свой ядъ въ умахъ ихъ неиз-
 „лѣчимымъ.“ — „О мать! проси меня,
 „возразилъ батырь, чѣмъ невѣроятны мнѣ
 „кажутся слова твои. Возможноль Му-
 „зульманамъ, исповѣдающимъ единого
 „Аллу и законъ его пророка, бытъ тако-
 „вымъ? Я увида ихъ, почелъ за Авліевъ.“ —
 „Не удивительно, мой сынъ, отвѣчала
 „Мяскай; они по виду своему и попом-

„ камъ швоимъ шаковыми казаться бу-
 „ душь. Но ихъ Алла--корыспь; вѣра ихъ--
 „ обманы: ихъ законъ -- въ однихъ наруж-
 „ ныхъ обрядахъ, а опнюдь не въ совѣс-
 „ ши. Но слушай объ ихъ произхожденіи,
 „ свойспвахъ, промыслахъ и разсуждай!

„ Эта небольшая кучка состоипть
 изъ К * * * *, покоровшихся бѣлому Ха-
 ну, о копоромъ я уже шебѣ повѣспвова-
 ла. Они придупть поселишья на берегахъ
 рѣки С * * * *, впадающей въ Яикъ, въ
 правленіе полдневнымъ краемъ видѣнна-
 го шобою власшелина, созидающаго гра-
 ды по рѣкѣ Яику. Сіи переселенцы, по-
 спроивъ себѣ жилища, подобныя жили-
 щамъ Уруссовъ, начнупть производипть
 мѣну съ Кырь-казаками въ помъ обшир-
 номъ караванъ-сараѣ, копорой я шебѣ
 показывала. Но недовольствуюсь при-
 бышкомъ опъ оной, обрашяпть зависшли-
 вый взоръ свой на шучныя стада сыновъ
 швоихъ. Они разсыплюшья, какъ хищные
 волки, по всѣмъ ауламъ и кочевьямъ ихъ,
 изочшупть имущество каждаго; и шопъ,
 кто болѣе скоша имѣпть будепть, болѣе

и пріязни опъ нихъ увидишь. Съ дружескимъ видомъ начнушь прельщаешь глаза ихъ видимыми побою, ничего неспоющими бездѣлками, поспавляя ихъ въ высокую цѣну и промѣнивая на лучшій башкирскій скопъ и коней. Симъ введешь неизвѣстное до того зло, называемое надобноспію. А дабы приобрѣсти себѣ большую довѣренность опъ добродушныхъ швоихъ попомковъ, они дѣлая частыя омовенія, примушь на себя набожный видъ и будутъ чипаешь, будучи сами невѣжды, Алкоранъ Аравійскимъ напѣвомъ, дѣлая на оный кривые полки. Симъ произведешь второе зло, называемое суесвяшпвомъ, которое заспавитъ ихъ предашься ученію письменъ и познанію полка Магометова. А чрезъ то разлѣнясь шѣломъ, пренебрегутъ скоповодспво и забудушь башырскіе свои пошѣхи и звѣрловспво. Такимъ образомъ седемьродцы, болѣе и болѣе знакомясь съ друзьями своими и наспавниками, и ежегодно промѣнивая шабуны свои и добытыхъ звѣрей на нарядные кафтаны, кушаки, шюбешейки и проч. увидяшь возникающее

претіе, самое лютое и допного невѣдомое зло, именуемое бѣдноспію: ибо попомки швои, храня обычаи опцевъ своихъ, довольны были шѣмъ, что имѣли; и попому не вѣдали еще оной. Теперь рядныхъ кафпановъ у нихъ появился много; но шабуны и спада ихъ передушь въ руки друзей ихъ. На сіи-то прибылки сіи послѣдніе воздвигнутъ огромныя мечепи, на коихъ знаменіе Магомешово облаковъ касашься будутъ. Но Алла не водворишя въ нихъ, и опврашишъ лице свое, и возгнушаешя жерпвами, приносимыми ему лихоимствомъ.“

„Познаешъ ли попомство мое наконецъ корыстоплюбивую дружбу наславниковъ своихъ? спросилъ бапырь“ —
 „Познаешъ, но весьма поздно, отвѣчала Мяскяй, тогда, какъ уже лютое зло-бѣдноспіе-- во всѣхъ аулахъ свирѣпствовашъ, будутъ“ —

Бапырь сокрушался сердцемъ о бѣдспвующихъ своихъ попомкахъ, а паче

о томъ, что они разслабляясь пѣломъ, усыпаятъ древнее свое мужество, и оспавяютъ башырскія свои попѣхи и звѣроловство. Ибо въ тѣ времена (прибавляешь разкащикъ) сіе почиталось у Башкирцевъ за вышшее достоинство. — „Успокойся, сынъ мой! сказала Мяскяй; я покажу тебѣ, что однородцы твои получаютъ первое свое мужество и силу.“ — Попомъ закрыла ему глаза рукой, проговорила неизвѣстные слова, и опнивая руку, спросила его: „что ты видишь?“ — „Я вижу, отвѣчалъ онъ, солнце во всей красотѣ его.“ — „А еще что? смотри пристальнѣ!“ — „Вижу изъ онаго выходящаго башыря, высокаго станомъ, и прекраснаго лицомъ. На главѣ его вѣнецъ, на плечахъ длинная епанча золотого цвѣта, а прочая одежда его бѣлизною подобна снѣгу; на бедрѣ его виситъ мечъ, а въ правой рукѣ держитъ онъ неизвѣстное мнѣ оружіе, которымъ указываетъ на спрану, нами обипаемую. О мать моя! что еще вижу? однородцы, вѣлнѣемъ его, какъ опъ глубокаго сна, возбуждающся, собираясь въ полчища. Оружіе на нихъ

блиспаешъ, да и самыя кони ихъ производяшъ ржаніе, какъ бы на брань гоповащіяся, и въ большемъ успройствѣ, нежели въ какомъ ты прежде мнѣ показывала; полчище за полчищемъ уходяшъ и скрывающа опъ глазъ моихъ. Скажи мнѣ, есвѣдущая Мяскай! что все сіе значить? къ чему показала ты мнѣ солнце? кпо сей небесный жипель? ибо на землѣ подобнаго бапыря вайпи не можно. Скажи и о прочемъ, мною видѣнномъ!“—

„Любопышпство швое, сынъ мой, опвѣчала ему Мяскай, шѣмъ охоннѣе удовольствую, что кончина знанію моему приближается. Солнце показала я шебѣ для того, что оно грѣешъ, живишъ и пипашъ вселенную. Подобно ему сей величешвенный мужъ, котораго ты видишъ, щедришъ и милуешъ полсвѣша своихъ владѣній. Онъ еспъ бѣлый Падиша Уруссовъ, вашихъ всѣхъ и многихъ другихъ племень, въ его владѣніи живуцихъ. Оружіемъ, которое видишъ въ правой рукѣ его, онъ не поражаетъ, но успокоиваетъ и падшихъ возспавляетъ. Примѣшилъ ли ты? когда онъ простеръ его на спра-

ну вашу; по всѣмъ твоимъ однородцамъ возпрятнули, и соединясь въ спротивныя полчища, пошли къ нему на службу противу враговъ его: — „ Возвращаясь ли они съ побѣдою? спросилъ нетерпѣливый Кузь-курпачъ: “
 „ Нѣкопорые изъ башырей, отвѣчала она, отличаясь заслугами, будучь награждены отъ великаго Падиши, возвращаясь въ кочевье свое и проживушь щастливо подъ его державою: “

Башырь бросился на колѣни предъ симъ видѣніемъ, не вѣря, чѣмъ полье благій сердцемъ и величественный видомъ могъ бытъ земной, а не небесной житель. Пока онъ былъ въ семъ благоговѣйномъ положеніи, вдругъ ударилъ громъ, потряслась гора и пещера, чаша съ священной водою опрокинулась, очарованная доска, упавъ на полъ, вся разбилась. Мяскяя лежала безъ памяти, и самъ башырь не могъ устоять на ногахъ.

Спустя немного, все успокоилось, Мяскяя опамятавалась, и немѣдя вышедъ изъ пещеры, говорила башырю: „ Совершилось, мой сынъ, и я довольна,

что показала тебѣ щасливую участь попомковъ своихъ. Вседѣствующій предпрѣдѣлилъ, чтобъ симъ послѣднимъ видѣніемъ знаніе мое кончилось, и очарованная доска изпребилась. И опъ того времени злые чародѣи не дерзнушъ возмущать спокойствія попомковъ своихъ. Теперь пора тебѣ поспѣшать къ Сарабаю. Будь оспороженъ и швердъ пропиву коварствъ пяривыхъ, и несумѣнно уповай на помощь Магометову. Разсуждай честно, поступиай справедливо; и тогда превозможешъ всѣ препяпствія и получишь Баяну, свою суженую. Справедливостъ всегда преодолюваетъ злобу “—Бапырь принявъ сіи наставленія, простилая съ Мясклею и поѣхалъ опъ нее шѣмъ же пушемъ, хопя съ большимъ шрудомъ пропиву прежняго: ибо долженъ былъ плыть пропиву печенія рѣки, но съ обыкновенною своею смѣлостію и проворствомъ, и выплывъ между горъ, продолжалъ свой пушь по совѣшу Мяскяи между полднемъ и западомъ.

Между шѣмъ злобные пярї, не могши ничего предпрїяшъ пропиву Кузь-курпя

ча, когда онъ находился въ жилищѣ Мяс-
кяи, (ибо очаровательная сила доброй
Мяскяи превозмогала силу злобныхъ пя-
ривъ), обрадовались, увидя его изъ онаго
выѣхавшаго, и надѣялись безъ труда по-
губить изпребишеля ихъ братьевъ; по-
чему на шрпей день и сдѣлали къ тому
приступъ. Башырь, ѣдучи пупемъ своимъ,
разсуждалъ о явленіяхъ, у Мяскяи имъ ви-
дѣнныхъ, и прекрасная Баяна, поселив-
шись въ душѣ его, изъ ума не выходила;
какъ вдругъ конь его началъ бѣситься,
прыгать на дыбы, храпѣть и бить перед-
ними и задними ногами (*). Карабаевъ
сынъ, не видя никого, удивился непо-
споянству коня своего и нѣсколько разъ
ударилъ его плешью, правя на предпри-
нящій имъ путь; но конь не слушая его
и закусивъ удила, шацилъ его совсѣмъ
въ прошивную спорону. Въ сіе время
началъ опускаться густой шуманъ, и раз-
спилаясь по землѣ, скрылъ опъ глазъ
его горы и всѣ окрестныя мѣста, такъ
что башырь, не видя предъ собою дороги

(*) Башкирцы вѣрятъ: что конскихъ глазъ ни-
какое волшебство очаровать не можетъ.

и не могли укропишь разсердившагося Юлдузь-юлаучи, принужденъ былъ остановиться и сойти съ него. Но какъ удивился онъ, увидѣвъ, что пѣло его было изранено, такъ что мягкія мѣспа, какъ волчьими зубами, были выхвачаны. Таковое приключеніе весьма опечалило бапыря; и попому что онъ, какъ наѣздникъ, добраго коня цѣнилъ выше всего своего имущества, любилъ его и почипалъ надежнымъ въ пупи поварищемъ; и попому не меньше, что вы всѣ, мои слушатели, (примолвилъ разкащикъ) сами знаете, сколь продолжительно кажутся по время, когда ѣдешь за сердечною добычею. Тогда самой добрый и рѣзвой конь кажется шупъ и лѣнивъ. Естли онъ идешь добрымъ шагомъ, по сбиваемъ его на рысь; сего недовольно; мы принуждаемъ его скакать; и того еще мало; мы хотимъ, чтобы онъ дѣлалъ быспрѣ пицы; а естлибъ и сіе возможно было; по и тогдабъ мы довольны не были: ибо не возможно, друзья мои, быть такъ-скору, какъ спремисся наше сердце. А Кузь-курпачъ оспался пѣшь въ

такое время, когда и сердце и обстоятельство поропили его поспѣшать къ Баянѣ, чпобъ она такъ же не исчезла опъ него, какъ въ очарованной Мяскаевой пещерѣ.

Весь кругъ слушателей захохоталъ во всю мочь опъ сихъ словъ, и каждый сидѣвшему подлѣ себя пересказывалъ собственные свои случаи, при женидбѣ бывшіе, такъ что разкащику дали время опдохнуть и привести на память продолженіе повѣсти. Когдажъ всѣ довольно наговорились; по мало по малу голоса начали упихашъ: какъ съ варивомъ коплы на сильномъ огнѣ клопочущіе упихаютъ, по мѣрѣ какъ огонь подъ ними уменьшается. Тогда всѣ одобривъ веселыя слова разкащика, киваніемъ головъ своихъ и впоричнымъ смѣхомъ дали ему знашь, что разсужденіе его справедливо, и всѣ единогласно закрычали: „смярдясь! смярдясь!“ (*)

Карабаевъ сынъ, наученный опцомъ своимъ знанію цѣлишельныхъ шравъ,

(*) Исполать! Исполать!

лишь только даль' разойпись шуману, неменькавъ пошелъ оныхъ опыскивашь; но едва подался нѣсколько шаговъ впередъ, какъ увидѣлъ по всѣмъ мѣспамъ глубоко изрытые рвы, хитро прикрытые мѣлками древесными вѣтвями и правую засланную. Башырь, разсматривая рвы и оспорожно снимая вѣтви, ихъ прикрывающія, крайне удивился, увидѣвъ, что на днѣ оныхъ сплошь наспавлены были осприя дубовыя пычины, вышиною въ полъ-древка копейнаго. Смѣлый башырь содрогнулся, вспомня, что всей силой коня своего направлялъ прямо на сіи рвы. Причисляя спасеніе свое покровительству Магомета, догадывался, (какъ и въ самомъ дѣлѣ было), что это были коварные замыслы злобныхъ чародѣевъ, о коихъ ему и Мяская предсказывала. Они злобные, не смѣя возстать на него явною силою, умыслили изкопать сіи рвы во всѣхъ мѣстахъ, по пупи его лежащихъ. Чародѣйствомъ своимъ напустили густой шуманъ, и бывъ сами невидимы, перзали коня его, дабы онъ взбѣсясь, попалъ въ которойнибудь изъ сихъ рвовъ съ своимъ

всадникомъ: но вѣщій Юлдузь-юлаучи, предчувствуя свою и хозяина своего гибель, а можешь быть, и видя шерзающихъ его пяривъ, (ибо конскихъ глазъ никакое колдовство очаровать не можешь), давалъ себя на шерзаніе, и инѣмъ спасъ свою и бапыреву жизнь.

Кузь-курпячь, нарвавъ цѣлишельныхъ правъ, положилъ оныя въ чистую брюхавицу заспръленной имъ козы, и наполнивъ водою, завязалъ крѣпко, потомъ вырывъ небольшую яму, и положи въ оную брюхавицу, засыпалъ на поль-локшия землю и разложилъ надъ нею огонь. Такимъ образомъ правы, бывши подъ огнемъ до половина дня, довольно уварились; и бапырь началъ оныя прикладывать къ свѣжимъ ранамъ коня своего. Опъ сего къ вечеру же сдѣлалось ему легче, и раны начали запягиваться; а на другой день онъ уже и гошовъ былъ служить своему хозяину.

Нешерпѣливый женихъ Баяны лишь далъ поравняться солнцу съ вершиною дерева, уже былъ на конѣ, и пустился въ

путь, объѣзжая рвы, на пагубу его ископаные. Долго разсуждалъ онъ о семь произшествіи, и не понималъ, какъ можно изобрѣсти споль пагубную хитрость. Добродушный Карабаевъ сынъ неспособенъ былъ не только предупредить оныя, или прошивопоставить чтолибо симъ коварствамъ, но даже и не понималъ того, чтобы можно было погубить человека тайно, а не явною силою. Ибо возрастая (подъ присмотромъ отца своего Карабая, онъ не слышалъ инаго себѣ въ наставленіе, какъ почитать Бога, любить ближняго, врагамъ опмщать мужествомъ и оружіемъ; а разсуждая о семъ новаго рода сраженіи, отъ отца своего неслыханномъ, холодный пошъ выступалъ на шѣлъ его. Тогда онъ опыномъ позналъ, что легче нападать на свирѣпыхъ араслановъ, чѣмъ защищаться прошивъ злыхъ вымысловъ Дью-пяріевъ.

Слѣдующіе попомъ шесть дней ѣхалъ онъ безпрепятственно и успѣшно. На седьмой день, въшо время, когда шѣнь отъ коня его была только въ половину величи-

ны его, подъѣзжалъ онъ къ густому лѣсу, гдѣ надѣялся себѣ и коню своему сыскапъ опдохновеніе. Вдругъ увидѣлъ множество, поднимающихся на воздухъ беркуповъ, держащихъ въ лапахъ своихъ по превеликому камню; въ поже время услышалъ въ лѣсу громкое рычаніе и вой, производящій опъ свирѣпыхъ звѣрей, которые шли большимъ спадомъ прямо на бапыря. Онъ удивился поль многому числу лѣсныхъ и воздушныхъ непріятелей, вмѣстѣ собравшихся; но не оробѣлъ, увидѣвъ ихъ, а началъ приговоряпъся къ оборонѣ. По щастію росли шупъ, опдѣлившіеся опъ лѣсу, полспые и вѣнъ-виспые при дуба рядомъ. Бапырь соскочилъ съ коня, остановился подъ ними, взялъ въ руки лукъ, наложилъ спрѣлу и ожидалъ непріятелей. Впереди шель ужасной величины бѣлый медвѣдь. Бапырь, наждавъ его, пуспилъ спрѣлу съ такою мѣпкостью и силою, что оная чрезъ опверспый медвѣдя зѣвъ прошла навилешъ; но медвѣдь не упалъ, а полько заверпясь, нѣсколькo шаговъ опбѣжалъ назадъ. Въ топъ мигъ все звѣри, окружа

его, начали лизать его рану. Бапырь, удивясь споль спранному между звѣрями пособію, досадовалъ на себя, думая, что слабо пустиль стрѣлу: ибо не видалъ на звѣрь ни одной капли крови.

Въ то время віющіеся надъ головой его беркупы, со спрашнымъ и отвратишельнымъ крикомъ, начали изъ когшей своихъ выбрасывать камни, дабы оными поразить бапыря и коня его; и онъ не спасся бы отъ сихъ воздушныхъ непріятелей, естлибъ не защищали его густыя вѣтви деревъ, подъ коими онъ стоялъ. Однакожъ камни съ высоты лепѣли съ силою и при паденіи своемъ по нѣскольку сучковъ отъ деревъ опламывали, такъ что на послѣдокъ вѣтви спановились очень рѣдки. Между тѣмъ звѣри, опдала раненаго медвѣдя, завыли и зарычали такъ громко и дико, что бапырь содрогнулся и началъ шеряшь бодрость; а несчастный случай, коня его постигшій, казалось, довершалъ его уныніе и погибель. Крѣпкій его Юлдузь-юлаучи, перенеся глубокія раны, отъ Дью-пяривъ на-

несенныя, не могъ вышерпѣшь крику, злобнымъ чародѣйствомъ произведеннаго, и испугавшись, бросился изъ-подъ деревъ въ спорону. Въ шопъ мигъ два превеликіе беркупа, поджавъ крылья, пали на него, и подхватя его острыми своими когтями, поднялись на воздухъ и скрылись въ лѣсу, такъ что изумленный батырь не могъ подать ему никакой помощи. Тогда-по Кузь-курпачъ, какъ опъ сна пробудившійся, презря опасность, на землѣ и въ воздухъ ему угрожающую, съ саблею въ рукахъ пустился прямо на звѣрей, успрашающихъ его выпьемъ своимъ. Спранные Башкирскіе батыри, прибавиль разказчикъ, тогда шолько были робки, когда видѣли въ опасности друзей своихъ, шоварищей или иное что любимое; а собственную опасность презирали, и чѣмъ болѣе она увеличивалась, шѣмъ болѣе возрастала ихъ отважность, копорую не теряли они до послѣдняго издыханія.

Звѣри, видя батыря опъ робоспи перешедшаго ко мщенію, поворопились къ

нему кургузыми задами, (ибо ни у одного изъ нихъ не было хвоста), разбѣжались по лѣсу и подняли громкой хохотъ, копорый лѣснымъ опголоскомъ еще больше увеличивался. Тогда-то бапырь узналъ, что это были враги его, злобные чародѣи, копорые не могли сдѣлать ему вреда, погубили коня его, а бапыря видя въ досадѣ о потерѣ онаго хохотаньемъ своимъ въ большее приводили негодование. Раздраженный Кузь-курпачъ, держа въ рукахъ саблю, не переставалъ бѣгать по лѣсу и ихъ опыскивать, но безъ успѣха; злые всѣ разбѣжались. Обильные въ злобѣ и коварствѣ обыкновенно бывающыя робки и малодушны. Наконецъ бапырь такъ упомился, что запнувшись, упалъ и уже не могъ встать, а лежалъ прислонясь къ дереву столько, что со скачки пришедшій конь могъ бы выспотѣться и высохнуть отъ пошу. Въ продолженіе сего времени услышалъ онъ карканье воронъ и хотѣлъ узнать пому причину. Подойдя къ тому мѣсту, откуда оно происходило, объять былъ жалостію и печалію; горячія слезы пока-

пились по щекамъ его. Онъ увидѣлъ добраго коня своего, на часпи разперзаннаго и хищнымъ воронамъ на пищу преданнаго. Долго шужиль онъ о немъ; но пособишь было нечѣмъ; вырылъ глубокую яму, и собравъ всѣ его разбросанныя по споронамъ часпи, положилъ въ оную, и вмѣстѣ съ нимъ зарылъ сѣдельный уборъ и оружіе, кромѣ сабли своей. Сію положи въ ножны, заплакавъ сказалъ: „ты мнѣ оспался одинъ другъ и поварищъ. Пропси, мой доброй конь! я никогда шебя не забуду,“— и пошелъ пѣшь по пуши своему.

Три или чепыре дни шель онъ день и ночь, нигдѣ почпи не опдыхая; въ пятый подошелъ къ небольшой, но быспрой рѣкѣ, по берегу коей превеликій росъ камышь. Увидѣвши ее, онъ обрадовался, полагая, что эшо должна быть Карасу, при копорой кочуешъ Сарабай бапырь: ибо встрѣчалъ тѣ почно урочиша, о коихъ Мяскай дѣлала ему замѣчанія. Упомядѣ опъ пяпидневнаго пуши, хопѣлъ онъ опдохнушь подлѣ рѣки; почерпнулъ воды, выпилъ и съ надежностію сказалъ:

„Когда я нашелъ рѣку Кара-су, то найду и Сарабая; а когда напился уже воды изъ нея, то и Баяна будетъ моя (*).“ Восхищаясь сей мыслию и предспавя въ умѣ своемъ прекрасную Баяну, видѣнную имъ въ очарованной пещерѣ, забылъ о своей успалоспи, и какъ опъ долгаго сна пробужденный, вскочилъ съ мѣспа и пуспился бѣгомъ по печенію рѣки. Но двѣ ноги не долго могли служишь ему. Онъ оспановился и пошелъ пихимъ шагомъ; а съ перемѣннымъ ходомъ перемѣнились и мысли его. Тяжко вздохнувши, вскричалъ онъ: „О! мой другъ, мой доброй конь Юлдузь-юлаучи! чпы меня оспавилъ въ шакое время, когда наиболѣе мнѣ нуженъ; не пожалѣлъ бы я опдашь всѣ свои пабуны и спада, чпобъ шебя оживишь; съ побой несомѣнно доспалъ бы я Баяну; а по сердцу жена и по мысли конь для Башкирца всего дороже. Возможноль мнѣ скоро пѣшему, разсуждалъ онъ, опыскашь кочевье Сарабаево? а еспыли и опы-

(*) Въ старину думали, что у молодого мужчины съ дѣвицей часто дѣлалось состраспие опъ шого, когда пили воду изъ одного ручья.

щу: по какъ явлюсь въ изодранномъ азя-
мь (*), босоной, безъ коня, безъ ору-
жя, къ гордому и корысполубивому Са-
рабаю? Съ другой спороны, почему мнѣ
знать, что Баяна предпочтешъ меня
Сулпану Ай-кару, ханскому сыну, оп-
личившемуся, можешъ бышь, при гла-
захъ ея силою въ бапырскихъ пошѣхахъ,
въ звѣроловспвѣ пропивъ свирѣпыхъ
араслановъ и юль-барсовъ, или же оказа-
вшему проворспво владѣшь конемъ и ору-
жіемъ; а я незнаемый, въ глазахъ Баяны
и отца ея презрѣнный Ишпякъ, не мо-
гу ей ничего обѣщашъ, кромѣ сердца мо-
его и побѣга.“

Неустрашимый побѣдитель чародѣевъ,
который со славою прошелъ среди ихъ
ухищреній, и мужественно единоборспво-
валъ съ свирѣпыми звѣрями, побѣждается
теперь и робѣешъ опъ слабой дѣвицы, неим-
ющей инаго оружя и силы, кромѣ свѣп-
лыхъ очей и румяныхъ щекъ. Но еспльибъ
онъ мысленно, друзья мои, (разсуждалъ
разскащикъ, обращая слова къ слушаеше-

(*) Кафшанъ.

лямъ,) представилъ сію красоту въ спароспи; чпо бы онъ увидѣлъ тогда? Я не скажу вамъ больше ни слова, разумные старѣйшины: ибо вы все сами знаете; а только думаю, чпо тогда бы опъ сей красоты, кошорую шеперь цѣнишь выше своей жизни, спольже скоро желалъ удалиться, какъ шеперь къ ней приближается. Но въ молодости Башкирцамъ не предопредѣлено разсуждать подобнымъ сему образомъ. Разскащикъ замолчалъ, чпобъ узнать, какое въ слушающихъ произведетъ дѣйствіе сіе разсужденіе. -- Обыкновенное. — Во всю ночь всѣ захохотали; а потомъ одинъ говорилъ, чпо жена его съ начала замужства своего казалась ему прекрасною; но время опъ времени разсмапривая ее хорошенько, показалаь она ему совсѣмъ не таковою, пакъ чпо онъ принужденъ былъ совашать, и заплащя калымъ, взялъ другую. Иному жена его казалась красавицею тогда, какъ имѣла бадягой (*) выкрашенныя щеки, и бѣлою глиной или

(*) Корень нѣкотораго растѣнія, употребляемый Азіатками вмѣсто румянъ европейскихъ.

инымъ чѣмъ, не знаю, намазанное лице; но когда видѣлъ ее въ естественномъ видѣ, тогда и глядѣшь на нее не хотѣлось, и онъ оставивъ ее, сосваталъ другую, благодаря Магомета за позволеніе. Третій говорилъ, что онъ съ молодую любилъ жену свою болѣе всѣхъ лошадей своихъ; но какъ она сдѣлалась спарѣе, а онъ разсудительнѣе; то удивился, что такъ глупо разсуждалъ о женщинахъ и мѣнялъ на нихъ лошадей своихъ. Такие разговоры продолжались болѣе времени, нежели сколько нужно, чтобъ закисть влипой въ сабу кумызь. Когда же оныя начали спановиться рѣже; тогда разскащикъ продолжалъ:

Карабаевъ сынъ, перешедъ отъ радостныхъ къ печальнымъ размышленіямъ, продолжалъ шихимъ шагомъ путь свой по печенію рѣки. Вскорѣ услышалъ онъ за камышемъ небольшой шумъ; и чѣмъ ближе подходилъ къ нему, шѣмъ громче оный спановился. Башырь бѣжипъ съ поспѣшностію на оный и видипъ за камышемъ на гладкой равнинѣ превелькаго

араслана, нападающаго на киргизскаго башыря и приведшаго уже его въ крайнее изнеможеніе. Киргизецъ держаль въ рукахъ саблю, но обезсилѣвъ не могъ владѣть ею; а звѣрь лишь умножалъ свои силы и бодрость; онъ разшерзавъ коня его, гошовъ былъ поже сдѣлашь и со всадникомъ. Оспавалось башырю спасеніе полько въ двухъ его добрыхъ собакахъ, кои проворствомъ своимъ оспанавливали спремленіе араслана и до него не допускали: но звѣрь и шѣхъ проворно и шоль сильно ударилъ, чшо обѣихъ вдругъ перервалъ, и разсвирѣпѣвши бросился на башыря, едва на ногахъ державшагося, ударилъ его о землю и оспрыми своими когпями рвалъ на немъ кольчугу. Башкирскій башырь, видя происходящее, ускоряетъ бѣгъ свой, дабы подашь помощь незнакомому, и подоспѣвъ, ударяетъ сильно звѣря саблею по мордѣ и опдѣляетъ опъ головы шолсныя его губы съ часпю оспрыхъ зубовъ. Звѣрь запряетъ головою и началъ мордою перешься о землю; попомъ со всею яростію бросился на башыря; но сей предупредя его, впо-

рымъ ударомъ наопмашъ опрубилъ объ переднія лапы, и шѣмъ въ совершенное привель его бездѣйствіе, а претшымъ лишилъ и жизни. Оспавя его, поропилъ подашь помощь лежащему безъ чувствъ и едва дыханіе переводящему незнакомцу. Осмопрѣвъ хорошенько нашель, что онъ не былъ раненъ, а шолько весь измяшъ. Не мѣдя бросилъ къ рѣкъ, почерпнулъ въ свою пюбишейку воды и началъ его опрыскивашъ; спуспя немного Киргизецъ взглянулъ и опяшъ закрылъ глаза. Женихъ прекрасной Баяны сначала радовался, что нашель человекъ, копорый скажешъ ему о кочевѣ Сарабаевомъ; но видя его умирающаго, лишилъ сей надежды, и шѣмъ больше досадовалъ, что не въ состояніи былъ ему помочь. И хопя онъ зналъ силу нѣкопорыхъ цѣлишельныхъ правъ, опшъ ранъ помогающихъ; но въ семъ случаѣ онъ были бесполезны. По многомъ размышленіи вздумалъ купашъ его въ рѣкъ, и положиа къ себѣ на плеча, понесъ къ берегу. Сей спранный способъ лѣченія, съ добрымъ намѣреніемъ вздуманный,

послужилъ больному въ облегченіе; а цѣ-
 липелю его въ большую радость: ибо
 добрые радуются, когда видятъ въ доб-
 рѣ другаго, а больше, когда оное добро
 могутъ сами другимъ дѣлать. Башкир-
 скій бапырь, положиа Кыръ-казака на
 берегъ, принялся раздѣвать и удивился,
 увидѣвъ, что онъ началъ глядѣть и ру-
 ками шевелить. Посему онъ догадался,
 что больной приходилъ въ движеніе отъ
 двухъ причинъ: что опрыскивалъ его во-
 дою и несъ на себѣ. И потому опять
 принялся за тѣже способы; имено: по-
 черпнулъ воды и началъ его опрыскивать,
 потомъ поднявъ опять къ себѣ на пле-
 ча, понесъ на первое мѣсто къ убиному
 араслану. Тогда-то онъ крайне обрадо-
 вался, увидѣвъ, что больной его сълъ и
 ему сказалъ: „ добродушный и неуспра-
 „ шимый бапырь! ты спасъ жизнь мою
 „ отъ свирѣлаго звѣря и возвращаешь
 „ родилелю, мною почитаемому, и сес-
 „ трѣ, любящей меня больше всѣхъ бра-
 „ тьевъ своихъ. Естълибъ могъ я распола-
 „ гать ея рукою, тобъ она тебѣ была
 „ наградою, съ придачею коня, рѣзвостію

„равняющагося въпрамъ. Но починая
 „шебя за Иштяка и спранника, не могу
 „надѣяшься, чпобъ опецъ мой на сіе
 „согласился; хопя онъ весьма почиаетъ
 „мужество и силу, швоей подобную.“ —
 „Кпо швой опецъ? кпо ты, сеспра
 „швоя и какой швой родъ? спросилъ Кузь-
 „курпачъ: — Опецъ мой - балпыръ Сарабай,
 „опшвчалъ Киргизецъ; я называюсь Бар-
 „лыбай, сеспра -- Баяна; а родъ нашъ од-
 „нимъ изъ лучшихъ Кырь-казацкихъ по-
 „чипаетъся: — Ты братъ Баяны! вскричалъ
 онъ, и закусилъ языкъ, думая, чпо про-
 изнеся имя Баяны, уже шайна его откры-
 лась. Кпо любилъ, шотъ бываетъ скры-
 пенъ и недовѣрчивъ, даже дошого, чпо
 желалъ бы склонность свою упайшь и
 опъ самаго себя, еспьлибъ по возможно
 было. Посему-шо, впрочемъ опкровен-
 ный Карабаевъ сынъ, нехотѣлъ ввѣришь
 шого незнакомцу, чпо было у него на
 умѣ и въ сердцѣ. — „Гдѣ шеперь опецъ
 швой Сарабай? — Въ кочевѣ своемъ, на
 два дни ѣзды опсюда. Я незнаю, кпо ты,
 опкуда и куда идешь, примодвилъ Кырь-
 казакъ: но прошу, шебя, великодушный

„ бапырь! не оставь меня здѣсь поль сла-
 „ баго, и избавя опть одного, не предай
 „ другимъ звѣрямъ на разперзание!“ — Ба-
 пырь согласился нести его на себѣ въ
 кочевье Сарабаево, сколько по доброду-
 шію своему, а болѣе по склонности сво-
 ей къ Баянъ: ибо все, что принадлежа-
 ло ей, или только имя ея произносило,
 сердцу его спановилось любезнымъ. Онъ
 отвязавъ подпруги сѣдельныя, положилъ
 ихъ къ себѣ на плеча, и посадя на нихъ
 Барлыбая, понесъ въ кочевье къ опцу
 его. Идучи такимъ образомъ, Кузь-кур-
 пачъ не скучалъ своею ношею, но паче
 радовался, что подавъ [помощь Барлы-
 баю, имѣлъ право на благодарность оп-
 ца и сестры его, и чрезъ то надѣялся
 къ нимъ приблизиться. Барлыбай же об-
 надеживалъ его въ вѣчной своей благо-
 дарности, и какъ бѣднаго странника,
 обѣщавъ надѣлить скопомъ и одеждою, и
 согласивъ опца своего, чтобъ допустилъ
 его кочевать съ собой вмѣстѣ. Башкир-
 скій бапырь, который назвалъ себя Жил-
 кичи *), симъ обѣщаніемъ былъ весьма

*) Конный пасхухъ.

доволенъ, удивлялся, что нашелъ благодарнаго Кырь-казака и радовался, что будетъ имѣть друга, а можетъ быть, и помощника въ своемъ предпріятіи. Со всѣмъ тѣмъ не смѣлъ и тогда сказать ему ни о прямомъ своемъ намѣреніи, ни о родѣ своемъ и имени, боясь, чтобъ неиспытанный другъ не измѣнилъ ему. По-сему Жилкичи (такъ я впередъ называю буду Кузь-курпяча) на всѣ обѣщанія Кырь-казака сказалъ побашкирски коропко: „ Хорошо, Барлыбай! мы это „впередъ увидимъ;“ и продолжалъ свой путь, или лучше, веспи на себѣ Киргизца. На претій день пришли они въ кочевье Сарабаево, гдѣ кромѣ Сарабая и дочери его никого не было: ибо всѣ разосланы были опыскивать Барлыбая, опыжавшаго опы нихъ на звѣроловство только на одинъ день, а пробывшаго пятеро супокъ. Можно предсавить себѣ, сколь пріятно было опцу увидѣть сына и сестрѣ брапа, болѣе всѣхъ ими любимаго, а пошому и разсудить, что избавитель его и ношеносецъ получилъ опы обоихъ полную благодарность.

Естьли неодушевленный призракъ Баяны въ пещерѣ Мяскяевой видомъ своимъ возмушилъ чувспва сына Карабаева; по каковъ онъ былъ тогда, какъ увидѣлъ ее предъ собою въ подлинникъ? Она имѣла прямой и высокій спанъ, круглое и бѣлое лице, алыя щеки, быспрой взоръ, полныя груди и прогающій сердце голось, копорымъ она благодарила его за избавленіе любимаго ея брата. О! какъ ты смѣшонъ показался тогда, бѣдный Кузь-курпачъ! тебѣ бы послушать моего совѣша, и мысленно снять прекрасную оболочку младоспи, тебя прельщавшую, вообразя оную въ спароспи; но ты меня не понялъ или не хотѣлъ повѣришь; раскрывалъ мысленно заразы, спо крапъ еще прелеспиѣ видѣнныхъ тебою; а опъ того и пришелъ ты въ такое онѣмѣніе, что не могъ выговорить ни одного слова, ниже сдѣлать какое движеніе, а споялъ, какъ вкопаной; посему по Сарабай и Баяна почли тебя слабоумнымъ. Но когда уже Барлыбай разсказалъ имъ о мужеспвѣ и силѣ его, тогда они перемѣнивъ свои мысли и оказавъ ему

уваженіе, впорично изъявили свою благодарность. А между тѣмъ и Жилкичи, успокоивъ дрожащее свое сердце и причившись нѣсколько смотрѣвъ на Баяну равнодушнѣе, на привѣтствіе ихъ отвѣчали крапко и прямодушно, что услугу сію Барлыбаю оказалъ случайно, но не откажется бы сдѣлать оную и съ намѣреніемъ семейству Сарабаеву, естлибы то понадобилось.

Сарабай возвратившимся сыновьямъ своимъ отъ поиска брата ихъ приказываетъ для Жилкичи и Барлыбая сдѣлать джигъ, на кошорой созваны были многіе изъ его родственниковъ. Наѣвшись довольно мяса и напившись кумызу, начали похваляться молодечествомъ и удалчествомъ своимъ. Каждый рассказывалъ происшествія, на звѣроловствѣ или баранпахъ съ нимъ случившіяся. Батырь Сарабай долго слушалъ ихъ разговоры, и наконецъ съ гордостію усмѣхнувшись поль мѣлкимъ происшествіемъ, началъ хвалился и показывать кожу убитаго имъ нѣкогда юль-барса, приплеша къ по-

му длинную повѣсть о его свирѣпости и силѣ, о своемъ проворствѣ и неуспрашимости, а напоследокъ и о побѣдѣ; объ истинномъ же побѣдителѣ Карабаѣ и не упомянулъ; попомъ возвыся голосъ, ска- „, заль: покажи намъ, сынъ мой, Барлыбай, кожу убитаго побою араслана; мы помѣряемъ ее съ юль-барсовою, и по величинѣ ихъ узнаемъ, кто изъ насъ съ побою имѣлъ больше мужества и силы побѣдиль ихъ.“ Барлыбай покраснѣвшись, отвѣчалъ, что сія честь не ему, но Жилкичи принадлежитъ.“— „ Ты глупо и смѣшно разсуждаешь, возразилъ Сарабай. Не ты ли первый напалъ и началъ бой со звѣремъ; а попому и честь побѣды тебѣ принадлежитъ; Жилкичи только помогъ тебѣ нѣсколько окончатъ оную.“ Барлыбай, зная упрямый и горячій нравъ опца своего, не смѣлъ долѣ съ нимъ спорить и принесъ львиную кожу. Ее смѣряли съ юль-барсовою и нашли; что она была длиннѣ сей послѣдней на цѣлый локоть. Сарабаю досадно было, что убитый сыномъ его звѣрь былъ длиннѣ, почему и большую похвалу отдали Барлы-

баю. Жилкичи съ своей спороны не обижался шѣмъ, что Сарабай опчуждалъ его опъ побѣды араслана; онъ и самъ того не хотѣлъ, но весьма оскорблялся самохвальствомъ его: ибо ему извѣстно было, что юль-барсъ былъ убитъ опцемъ его Карабаемъ. Но при семъ случаѣ замолчалъ и не хотѣлъ обнаружитъ хвастовства своего хозяина.

На другой день Барлыбай выпросилъ у опца своего позволеніе избавителъ своего наградитъ скопомъ и одеждой, пакъ какъ онъ ему обѣщаль. Сарабай на сіе согласясь, и житъ ему въ семьѣ своей позволилъ, полагая, что такой смѣлый молодець можетъ бытъ хорошимъ товарищемъ въ баранпахъ и зашипникомъ его кочевья. Барлыбай благодарилъ опца своего за сіе снисхожденіе и поспѣшалъ оное исполнитъ; но весьма удивился, что Жилкичи не хотѣлъ ничего опъ него принятъ, кромѣ обѣщаннаго рѣзваго коня съ сѣдельнымъ уборомъ и азяма вмѣсто своего порваннаго. Разсуждая столь рѣдкою между Киргиз-

цевъ безкорыстїи, Барлыбай почувство-
валъ большую къ другу своему любовь.
„ Скажи мнѣ, другъ мой, спросилъ онъ
попомъ, какимъ случаемъ зашелъ ты въ
поль опдаленную отъ родины твоей
спорону? “— Жилкичи, всегда ожидавшій
сего вопроса, давно уже пригоповиль
слѣдующую сказку:

„ Опець мой кочевалъ съ небольшимъ
числомъ родспвенниковъ своихъ особо
по рѣкѣ Касмарь, впадающей въ Яикъ.
Въ одинъ день упомленные возврапи-
лись мы со звѣроловства и спали очень
крѣпко. Вдругъ напали на насъ въ боль-
шемъ количествѣ Кырь-казаки и всѣ на-
ши пабуны и спада опогнали. Мы пу-
спились за ними и догнавъ начали дра-
ку; но какъ ихъ приходило по десяти
на одного, то они всѣхъ нашихъ переко-
лоли, а меня и брата моего раненыхъ съ
завязанными глазами повезли съ собою.
Я не знаю, что хопѣли они съ нами сдѣ-
лать; но по десятидневномъ пушешесп-
вїи оспановились они у одного аула, гдѣ
праздновали свадьбу. Похишипели наши

шупъ всѣ напились кумызу и заснули. Въ сіе время я развязался, выбралъ лучшаго коня, взялъ саблю и пустился скакать, и самъ незная, куда. Такимъ образомъ ѣхалъ я пѣнапцать дней. Коня своего лишился я не далеко ошсюда. Онъ пасся ночью на лугу. Вдругъ выбѣжалъ изъ камыша свирѣпый юль-барсъ и разперзавъ его унесъ въ камыши, пакъ чпо я не могъ найши и слѣда его. Послѣ того идучи пѣшкомъ, въ претій день увидѣлъ я себя, бьющагося съ арасланомъ, и имѣлъ щасливый случай шебъ помочь:— Барлыбай выслушавъ сіе, бросился его обнимать, обѣщаясь быть вѣчнымъ ему другомъ.

Жилкичи, поль удачно впершись въ семью Сарабаеву, часпо видалъ Баяну и съ ней разговаривалъ; а иногда удавалось ему ей прислуживать. Когда она съ женами брапьевъ своихъ ходила доить кобыль; шо онъ помогалъ ей оныхъ ловить, и Баяна изподпшишка нерѣдко на него поглядывала. Высокой его роспъ и мужеспвенный видъ весьма ей нравились. Все

шло хорошо; но боязливый Жилкичи не смѣлъ сказаць Баянѣ о своемъ намѣреніи, дабы не получитьь опказа. Онѣ не зналъ еще, склонность или опвращеніе имѣла она къ жениху своему Ай-кару. И попому спарался узнатьь опѣ друга своего Барлыбая, который будучи любимъ ею, совершенно зналъ расположеніе сердца ея, и сказалъ ему, что она султана Ай-кару ненавидитъ; попому что онѣ малъ ростомъ, хромъ и горбатъ, да и нрава очень злаго; но шолько что богатъ и ханской сынъ., Опець мой, прибавилъ онѣ, прельспяся симъ и желая войти къ Хану въ родство, принуждаешъ Баяну за него вытпши, и мы ежедневно ждемъ его приѣзда для совершения свадьбы; мнѣ очень жаль сестру: "... Сказавъ сіе Барлыбай улыбнулся.-; Что это значитъ? спросилъ Жилкичи. — Барлыбай подумавъ нѣсколько, сказалъ:., другъ мой! въ семействѣ нашемъ естъ шайна, которую всѣмъ намъ опѣ опца приказано хранишь. Тебѣ, можешь быть, до нее никакой нужды нѣтъ, но между друзьями ничшо не должно скрываться. Сестра моя Баяна

съ младенчества просвапана была за сына Башкирскаго бапыря Карабая, бывшаго другомъ отцу моему. Съ возрастомъ сеспры моей возрастала красота ея и прославилась по всѣмъ нашимъ ордамъ. Многіе бапыри лучшихъ родовъ приѣзжали ея свашапъ и богатой предлагали калымъ. Опъ сего опець возгордясъ, всѣмъ опказываль, въ помъ числѣ и сыну Карабаеву, которой опъ опца своего оспался младолъпнымъ сиропю. А чпобъ не имѣть больше доуки опъ бапырей и сына Карабаева; просвапаль за сулпана Ай-кару, и условилсѣ съ опцемъ его чпобъ перекочевать сюда въ его орду. Съ тѣхъ поръ Баяна Ай-кару возненавидѣла. Ей очень хотѣлось выпити за сына Карабаева, котораго хопя она и не видывала: ибо онъ въ кочевъ нашемъ никогда не бываль; но много похваль слыжала о его молодѣчествѣ и проворспвѣ. Сему - по, мой другъ, я разсмѣясъ, чпо сестрѣ моей и шеперь хочеспя выпити за молодца, а не за урода.

Жилкичи оспавя Барлыбая, радовалсѣ, чпо узналь разположеніе сердца Бая-

ны въ пользу сына Карабаева; но не зналъ, когда и какъ ей о томъ дашь знать: ибо одну ее не могъ онъ видѣть. Долго ломалъ себѣ голову, и на послѣдокъ выдумалъ способъ. Кибитка друга его Барлыбая, съ копорымъ онъ жилъ, не далеко спяла отъ той, гдѣ была Баяна. Онъ оставался всегда шупъ одинъ, когда всѣ женщины разжодились доить кобылъ или заквашивать кумызъ, что Баяна дѣлывала рѣдко, а всегда сидя въ кибиткѣ что-нибудь вышивала. Сей-то случай Жилкичи употребилъ въ свою пользу. Онъ выдумалъ иносказательную пѣсню, гдѣ помѣстилъ все свое странствование, обспяшительства и намѣреніе свое, не упоминая ничьихъ именъ. Онъ имѣлъ пріятный голосъ, и пѣлъ сію пѣсню всегда, когда оставаясь одинъ зналъ, что и Баяна оставалась такъ же одна въ своей кибиткѣ.

Я сказалъ уже прежде, что Баяна украдкою на Иштыка любила посмащивать, а слушать пѣсню его уже не могла и отказать себѣ. Надобно только,

чтобъ дѣвушка полюбила; а то уже сама, какъ яспребъ на руку лешать будешъ. Привязчивость ихъ подобна рѣзвому коню, который чѣмъ далше скачешъ, тѣмъ больше прибавляешъ силы. Такъ и Баянъ день ото дня Жилкичи казался молодцоватѣе; пріятный его голосъ и замысловатый складъ пѣсни приближалъ его къ сердцу ея. Она слушая пѣсню, каждое слово въ ней замѣчала и въ памяти своей зашверживала, и не перпѣливо желала знашь, къ кому оная относилась. Она въ ней много находила сходства съ своими и первого своего жениха обспояпельспвами; но не могла приняшь его за сына Карабаева, полагая, что въ столь отдаленное мѣсто одинъ онъ не могъ приѣхать; а того и не знала, куда повлечешъ сердце, шуда и поѣдешъ.

Такимъ образомъ Жилкичи пѣлъ свою пѣсню дни по при сряду, и досвольно примѣшилъ, что Баяна внимателью слушала, да и сама уже оную пѣла.

Вскорѣ посемъ приѣхали пррое ильчей отъ Хана къ Сарабаю съ увѣдомлені-

емъ, что онъ уже выѣхалъ изъ кочевья своего съ женихомъ и со всѣми своими родспвенниками для совершенія свадьбы, и оспановясь на половинѣ пупи, зовещъ его съ сыновьями и со всѣми родспвенниками на пригоповленный джинъ. Сарабай, ожидавшій сего, давно уже къ тому пригоповился. На другой день созвалъ своихъ родспвенниковъ, а на претий и выѣхалъ съ ними на пиръ ханской, оспавя въ кочевьѣ своемъ однѣхъ женщинъ, проихъ паспуховъ и Жилкичи, который въ сіе время припворился нездоровымъ.

По опѣздѣ Сарабаевомъ въ попѣже еще день, какъ женщины разошлись доищъ кобыль, и нешерпѣливая Баяна пошла въ кибишку брата своего Барлыбая, какъ бы имѣя большую надобность до невѣстки своей, которой шущъ и не было, догадливый Жилкичи лишъ далъ ей войши въ кибишку, по и началъ говорить; прекрасная Баяна! благодарю шебя, что меня навѣспила; когда буду здоровъ, не доущу шебя саму ловищъ кобыль, а все-

гда самъ спану приводишь ихъ тебѣ къ новязи “:- Жаль мнѣ тебя, Жилкичи, чпо ты занемогу; уже не слыхашь больше и нѣсни швоей “:-,, какова она тебѣ кажешся? “ хороша, да въ ней конца нѣтъ; ты поешь, чпо бапырь оспавя свою родину, заѣхаль въ дальнюю сторону уговаривать дѣвицу убѣжашь опъ опца и мамери, и шѣмъ оканчиваешь. “:-,, Да согласнали дѣвица съ нимъ бѣжашь? “:-,, Я эшто не знаю. “:- А еспылибъ намѣспѣ эшой дѣвицы была ты и любила бапыря, согласилась ли бы ты съ нимъ уйши? “:-,, нѣтъ! я бы шѣмъ разсердила опца своего, и онъ бы во всю жизнь меня любить не спалъ,, - А еспылибъ и бапырь любить не спалъ? - эшо и еще хуже; я не знаю, чпо бы тогда сдѣлала “:-,, а я знаю, чпо тебѣ дѣлашь “:-,, чпо же? “:-,, со мною бѣжашь безъ всякаго опасенія: ибо я шопъ Кузькурпячъ, Карабаевъ сынъ, которому ты въ младенчествѣ обѣщана въ невѣсту; ты его любишь, и онъ тебя равномерно “:- да правдали эшо? “:-,, вопъ швоего рукодѣлія подарки, присланныя ко мнѣ опъ тебя съ опцомъ моимъ Карабаемъ. “:-

Попомъ бапырь разсказаль ей справедли-
 вое свое похождение и все произшествіе
 въ пещерѣ Мяскаевой случившееся, коимъ
 допого разпрогаль Баяну, что она опъ
 радости заплакала, и поцѣловавъ бапы-
 ря, поклялась любить его вѣчно. Но пре-
 жде хопѣла, чтобъ онъ вѣхаль къ опцу
 ея Сарабаю, сказался собственнымъ сво-
 имъ именемъ и съпомощію Барлыбая про-
 силъ объ исполненіи слова, опцу его дан-
 наго; на предлагаемой же имъ побѣгъ ни-
 какъ согласиться не хопѣла, опасаясь
 пѣмъ прогнѣвить опца своего. Карабаевъ
 сынъ долго спарался ее уговаривать, но
 безъ успѣха, и наконецъ сказалъ: „ хоро-
 шо, Баяна! я исполню волю твою, но на-
 передъ скажу тебѣ, что Сарабай мнѣ въ
 помъ опкажеть, выщепъ меня изъ ко-
 чевья своего, и ты меня больше не уви-
 дишь.“ О! нѣтъ, милой мой Кузь-курпачь!
 не говори этого: всего тяжеле съ побой
 мнѣ расстаться, вскричала Баяна, обнявъ
 бапыря. Посмотри какъ во мнѣ забилось
 сердце опъ одного этого слова!“ - „ дру-
 гаго нѣтъ способа, кромѣ побѣга, опвѣ-
 чаль догадливой любовникъ. Я уѣду, и съ

шобой разспанусь; мы не увидимся во всю жизнь; ты будешь женою уродливого и злонравнаго Сулпана Ай-кары, а я спану искапъ себѣ другую невѣсту. “-, нѣпъ, нѣпъ! ни слова больше объ эшомъ? вскричала Баяна; смопри, я вся дрожу и едва духъ перевожу отъ спраха. Слушай! еспъ ли отецъ мой опкажешъ шебѣ въ прребованіи швоемъ и вышлешъ шебя вонъ изъ кочевья; шогда поѣзжай прямо на шомѣсто, гдѣ ты убилъ свирѣпаго арастана, и шамъ зашѣвъ въ камышахъ, дожидайся меня. Извѣспенъ, можешъ бышъ, шебѣ обычай нашъ, чшо родспвенники стоворенныхъ, раздѣлясь одни отъ другихъ на два или на при сайдачныхъ высшрѣла, въ полномъ вооруженіи высилаюшъ жениха съ невѣстою единоборспвовашъ на коняхъ. Женихъ во всю конскую прышъ скачешъ за невѣстой, дабы на скаку обняшъ ее и шѣмъ приобрѣшъ неоспоримое на нее право; невѣста же съ своей сппороны спарается отъ него ускакать и сильно опмахивается плешью, дабы до шого не допустишъ. Я надѣюсь съ уродливымъ Сулпаномъ легко управишся, и

буду имѣть въ шопъ день полную свободу гулять на конѣ вооруженная. Въ семь-по нарядѣ, дорогой мой башырь! я къ тебѣ приѣду, и буду швоя вѣчно; ничто насъ разлучить не можеть. А ешь ли и будеть за нами погоня; шо я надѣюсь, что шы меня не оіпадшь даромъ: “- Карабаевъ сынъ весьма былъ доволенъ выдумкою Баяны, и обнявъ ее, крѣпко прижалъ къ своему сердцу. Пошомъ сѣвъ на коня сказалъ: „ прощай, дорогая Баяна, но прощай не надолго: “ -- шеперь прощай, опшвѣчала Баяна; но я скоро съ шобой увижусь, и уже во всю жизнь съ шобой не распанусь. “ - Молодой башырь ухаль и часто оглядывался; Баяна глядѣла на него и не сходила съ мѣста, пока онъ ухаль изъ виду. —

Между шѣмъ продолжался ханской джинъ, на кошоромъ не было пощады ни кумызу, ни мясу. Всѣ госпи и хозяева сидѣли въ одномъ большомъ кругу, кромѣ Хана и Сарабая, коимъ особо подавали лучшія часпи мяса. Въ сіе время приѣзжаетъ къ нимъ Жилкичи. Первый

привѣтсвовалъ его другъ его Барыбай, который вставъ изъ круга, подвелъ его къ Хану и Сарабаю на поклонъ. Ханъ спросилъ Сарабая о его родѣ и жизни, которой отвѣчалъ ему, что это бѣдный Ишпякъ, спасшійся изъ плѣна Киргизскихъ наѣзниковъ, но оказалъ сыну его услугу на звѣроловствѣ; за сіе онъ принялъ его къ себѣ на жившье. Ханъ похваля добродушіе Сарабая и дородство Ишпяка, продолжалъ ѣсть и пить кумызъ, а поже приказалъ дѣлать и Жилчики.

Когда всѣ мяса были поѣдены, и многія сабы съ кумызомъ опорожнены; тогда Ханъ приказалъ заводить борьбу. Тутъ много было батырей и наѣзниковъ съ обѣихъ сторонъ. Многіе показали въ борьбѣ силу и ухватки. Но когда дошла очередь до Жилчики; то ничто не равнялось съ его молодечествомъ; всякаго, кто съ нимъ схватывался, не боролъ, а кидаль, такъ что Сарабай и всѣ зрители удивились его силѣ и проворству, и при каждомъ его поединкѣ хвалили его не переставали. Но Ханъ симъ не былъ дово-

лень; потому что Жилкичи, бывъ на сторонѣ Сарабаевой, посрамлялъ въ борьбѣ родню его. Онъ предложилъ Сарабаю, чтобъ онъ изъ своей родни выставилъ пропивъ Жилкичи прехъ борцовъ, а побѣдипелю въ награду ставилъ крамуазинной кафшанъ въ пятьдесятъ барановъ и бархатную шюбешейку, бобромъ опущенную, въ двадцать барановъ. Сарабай охотно на сіе согласился; ибо имѣлъ у себя брата поль сильнаго, что во всей ихъ ордѣ никто не осмѣливался съ нимъ схватиться, и надѣялся, что сей поборовъ Ишпяка, окажетъ явно превосходство своего рода предъ Ханскимъ. Къ нему прибавилъ онъ двоихъ сыновей своихъ, Буркутъ-бая и Барлыбая, да не опказался бы и самъ, по охотѣ своей къ поединкамъ, вспупись съ Ишпякомъ въ борьбу; естъ либъ тогдашнее время и обстоятельство не заславляли его показывать важный видъ.

Поединчики выступили на средину круга и схватились. Широкоплечій Киргизецъ, надѣясь на силу свою, началъ во

всѣ спороны паскашь Жилкичи, какъ сердипый быкъ, на орканъ пойманный. Сей давалъ ему волю; но нашедъ минушу, когда Киргизецъ изплошися, совсѣмъ проворспвомъ и силою поднялъ его выше головы своей и въ полной красотѣ обернувъ кругомъ шесть разъ, показалъ его всѣмъ зрипелямъ, какъ орла плавающего по воздуху съ разпущенными крыльями и пропянутыми ногами, и попомъ кинулъ на землю. Всѣ зрипели опъ удивленія и радости вскочили на ноги и громко закричали похвалу побѣдипелю. Неменьше пого и Ханъ радовался, видя, что Сарабаевы бапыри одинакую приемлютъ учаспъ съ его родомъ, и одобряя Жилкичи, приказываетъ ему начашъ впорой поединокъ съ Буркупъ-баемъ, старшимъ сыномъ Сарабаевымъ. Жилкичи и сего безъ пруда поборолъ. За симъ въ шрепшей схвапкѣ и Барлыбай захопълъ испыпашъ силу друга своего. Но сей любя его, не хопълъ взяпъ надъ нимъ верху. И пощому съ большимъ испуспвомъ показывалъ зрипелямъ обоеспороннее равносиліе, такъ что не шолько ихъ, но и самого

Барлыбая обмануль непримѣпно. Иногда даваль ему брашь себя на бедро, или приподнимашь къверху; но вскорѣ какъ бы отъ оплошности его успѣваль спановишься опять на твердую ногу и въ свою очередь дѣлашь сильныя приемы, но неповоропливые, и пѣмъ даваль время ему оправишься. Въ шакомъ спорѣ провели они времени болѣе, нежели во сколько при удалыхъ башыря могутъ съѣсть сваренаго съ курдюкомъ жирнаго барана и выпить на брапа по шурсуку кумызу. Ханъ и зрители видя въ обоихъ башыряхъ равную силу, приказали имъ разойтись и присудили крамуазинной азямъ опдать въ награду Иштяку, а шюбешейку, бобромъ опушенную, Барлыбаю.

Башыри на звѣроловствѣ, соперники въ борьбѣ, друзья на пиру, окончивъ борьбу обнялись и поцѣловались. Всѣ превозносили ихъ похвалами. Ханъ, по почтенію къ башырству, самъ надѣлъ на Жилкичи молодецствомъ приобретенный азямъ и пошрепаль его по плечу. Одинъ поль-

ко Сарабай не вспаваль съ мѣспа и не говориль ни слова, а искосивъ глаза, сморѣль, какъ волкъ, котораго добрый па-спухъ гонитъ опъ спада, гдѣ онъ надѣялся получить себѣ добычу. Сарабай не могъ сперитъ, чшобъ презрѣнный, по его мнѣнію, Ишпьякъ посрамилъ въ борьбѣ Сарабаева брата и сына; но видя Хана и всѣхъ его и своихъ родспвенниковъ обнимающихъ его съ уваженіемъ, принужденъ былъ скрыть свою досаду. Онъ подошелъ къ сыну своему Барлыбаю, надѣлъ на него въ награду полученную шубею и обнявъ сказалъ: —, ты, мой сынъ, весь по мнѣ; и ты будешь имѣть старшинство надъ своими братьями.“—

Посемъ начались другія пошѣхи по приказанію Хана. Поспавили мѣшу для спрѣлннн изъ луковъ. То была деревянная трубка, длиною въ половину спрѣлы, которой опверзспіе, величиною съ конскій глазъ, слабо закрывалось съ одной стороны деревяннымъ гвоздемъ. Спрѣльцы, спавъ рядомъ прошивъ мѣшы на сто шаговъ, начали въ оную по очереди пу-

скапъ свои стрѣлы, мѣпя въ средину прубки, дабы стрѣла, пролепѣвъ въ опверспіе, вышибла гвоздь. Но какъ умѣтишь однимъ разомъ почипалось за невозможное; то и стрѣлы пролепали мимо. Жилчики споя позади, смопрѣлъ на нихъ молча, а дождавшись очереди своей, вышелъ впередъ, смахнулъ съ правой руки Ханской азямъ, и наложя на лукъ стрѣлу, пуспилъ ее споль мѣпко и сильно, что она не пошевеливъ прубки, понесла съ собою гвоздь еще шаговъ на спо. Толь рѣдкое искусство привело всѣхъ въ изумленіе. Всѣ соспязующіеся признали его такимъ стрѣлкомъ, какихъ не бывало во всѣхъ ордахъ.

Ханъ, любя Жилкичи, хопѣлъ видѣть еще удалъспво и проворъ его на конѣ, и велѣлъ спспавить доску, толщиною въ чептыре пальца, съ шѣмъ, что кто на всемъ скаку стрѣлою пробьетъ ее насквозь, тошъ получишъ въ награду серебромъ оправленную калпу въ пятнапцапъ барановъ. Но и сей подвигъ кто, кромѣ Жилкичи, могъ совершинъ? Всѣ въ доску стрѣ-

ляли, немногіе могли попастьъ, и рѣдкіе до половины пробивали. Но Жилкичи разгорячаютъ коня, придаетъ ему рѣзвости ударами плети; поправляетъ на головѣ шубешейку бобровую, и не шоропясь, на пугой лукъ накладываетъ стрѣлу длинную, и пробиваетъ доску полспую. Стрѣла, пролетѣвъ насквозь, уходитъ по уши въ землю. Жилкичи лепитъ назадъ быстрѣе сокола, вынимаетъ саблю острую, перерубаетъ доску дубовую, и беретъ калпу богашую*).

Разскащикъ замолчалъ: ибо всѣ слушатели произвели громкой смѣхъ, а потомъ спросили: „чтоже подумали тогда Кыръказаки о нашемъ бапырѣ?“ - Тоже, что и вы, отвѣчалъ онъ; смѣялись и не вѣрили глазамъ своимъ. Одни мудрые курайчи, самовидцы дѣлъ бапырскихъ, на курахъ своихъ правовѣщихъ довели до насъ сію истину, изложили пѣсню хвальную въ честь и славу нашему бапырю.

*) Сие дѣйствіе въ подлинникѣ описано стихами.

Сія пѣсня и донинѣ извѣстна во всѣхъ ордахъ подѣ названіемъ: *Жилкичи*. Но оное симъ еще не оканчивается. Ханъ хопѣль еще видѣшь ловкосць и проворство спаскивалъ съ коней, и просилъ, чшобъ онъ показалъ и сіе удалъство и пѣмъ кончилъ попѣхи. Бапырь изъ почпенія къ Хану готовъ былъ исполнить его волю, но со скромноспію изъяснилъся, чшо некрѣпко сидишь на конѣ и не надѣется въ семь заслужить его похвалу. Несмотря на сіе по данному приказанію вмигъ всѣ бапыри изгошвились, и опборная дружина, Сарабаемъ наученная, уговорилаь, чшобы вдругъ ухвапиться за Ишпяка, и выпацивъ изъ сѣдла, пѣмъ посрамишь его. Жилкичи, не вѣдавъ сего умысла, поскакалъ въ свою очередь за другомъ своимъ Барлыбаемъ, съ намѣреніемъ доставить ему честь, дашь себя высадить: но внезапно сговорившаяся дружина бросилась на него; всѣ за него схвапились и сильно пошацили его вонъ изъ сѣдла. Жилкичи, увидя хипросць ихъ, осердился, и бросивъ поводъ, схвапилъ жилиспыми своими руками за

воропники по батырю, опдѣлил ихъ опъ сѣдель, ударилъ рѣзаго коня своего и полешель, какъ соколъ, держащій въ когтяхъ пойманную ушку. Такъ Жилкичи, снявъ съ сѣдель двухъ батырей, несъ ихъ по воздуху, до земли не допусая, боясь и самъ, чшобъ ихъ не убить. Имѣя обѣ руки заняшы, онъ не могъ оспановить быстраго коня своего, во весь опоръ скачуцаго, и уже съ превеликимъ прудомъ съ правой руки на лѣвую пере- ложа толстаго батыря и свобода руку, оспановилъ коня, а батырей пославилъ на ноги безвредныхъ, но напуганныхъ.

Симъ кончились попѣхи Башкирскія, Ханомъ заведенныя. Когда сошли всѣ съ коней, и привязавъ къ коновязямъ, собрались къ ханской кибиткѣ; тогда Ханъ вынесъ богатой персидской кушакъ, и опоясавъ онымъ Жилкичи при всѣхъ своихъ и Сарабаевыхъ родственникахъ, сказалъ: „Батырь Жилкичи! я не помню, кшобъ въ цѣлую жизнь, сколько показлъ молодечества, сколько пы въ одинъ день. Мала тебѣ награда сія; все, что тебѣ надобно, проси опъ меня, и я испол-

ню. Еспьли ты хочешь женишься; по
будь моимъ зятемъ и изъ папи моихъ
дочерей выбирай любую! — Жилкичи оп-
вѣчалъ, что онъ уже имѣеть невѣсту,
сосвапанную опцемъ его, и просить въ
помощь его Ханской помощи. —, Кпожъ
твой опецъ и сосвапанная невѣста?
спросилъ Ханъ! —, Опецъ мой—бапьеръ
Карабай, а невѣста—Баяна, дочь бапьера
Сарабая, копорый опцу моему былъ
другъ и далъ ему слово выдасть дочь свою
за меня! — Вдругъ вскочилъ Сарабай,
какъ неисповой, и закричалъ дикимъ голо-
сомъ: какъ ты осмѣливаешься, презрѣнный
Ишпякъ и бѣглець, называешься чужимъ
именемъ, обманываешь Хана, и шогда,
какъ я дочь свою сговорилъ за Сулпана?
Ты думаешь, бродяга, чтобъ я, опказавъ
ему, за тебѣя ее опдалъ? —, Ты долженъ
это сдѣлать, спокойно опвѣстповалъ
Карабаевъ сынъ: ибо давши опцу моему
дружеское слово, обязанъ его исполнить.
А что я Карабаевъ сынъ, по доказыва-
ють твои подарки, опцу моему опъ
тебѣя присланные. Вотъ смотри ихъ!“
При семь Кузь-курпачь, вынувъ оныя изъ-

за пазухи, началъ показывать. „ Я вижу и знаю, отпрывисто сказалъ Киргизецъ; да хотябъ ты и подлинно былъ сынъ Карабаевъ, котораго я нѣкогда знавалъ; что мнѣ до того? Я отецъ и имѣю власпъ выдапъ свою дочь, за кого хочу. Отецъ швой, знавшись со мною, многія получилъ отъ меня милоспи, и эшого довольно.“ — „ И эшо несправедливо, возразилъ Кузь-курпачъ; тому не нужны милоспи, кто все богатство имѣлъ въ себѣ самомъ. Карабай никогда и никакихъ отъ тебя милостей не получалъ, да и не хотѣлъ оныхъ, а самъ тебѣ оказалъ многія, двукратно спасая жизнь швою, во первыхъ отъ свирѣпаго юль-барса, разшерзашъ тебя господившагося, а въ другой разъ отъ набѣга однородцевъ швоихъ, кои опогнавъ весь швой скопъ, положили на мѣстѣ жену и двоихъ сыновей швоихъ, да не оставилибъ и тебя живаго, еспь-ли бы отецъ мой не поспѣшилъ къ тебѣ на помощь. Онъ наѣздниковъ опогналъ, скопъ швой возвратилъ, и тебя всего изрубленнаго вылѣчилъ, и не только не просилъ милоспи, но не хотѣлъ даже и

благодарности своей, кромѣ дружбы и исполненія своего слова отдашь за меня Баяну: „—, Не раздражай меня больше, презрѣнный Ишпякъ, и сію минупу спупай вонъ не только изъ моего кочевья, но даже и изъ всей орды здѣшной, и берегись попасться миѣ на глаза! я тебя въ куски изрублю!“ Сказавъ сіе, Киргизецъ съѣлъ на коня, поскакалъ въ кочевье и велѣлъ сыновьямъ своимъ и всѣмъ родственникамъ за собою ѣхать, боясь, чпобъ Карабаевъ сынъ не увезъ Баяну; а Хана просилъ на другой же день къ нему приѣхать и совершить свадьбу. Барлыбай хопѣлъ простишься съ другомъ своимъ: но свирѣпый отецъ и сего не позволилъ; и пошѣ только успѣлъ взглянуть на него и сказать: „прости, мой другъ и избавитель!“ и заплакавъ поскакалъ за опцемъ своимъ.

По опѣздѣ Сарабая Ханъ всею силой спарался уговоривать сына Карабаева остаться у него жить, обѣщая большія награжденія, и со временемъ примирить его съ Сарабаемъ: но онъ, благодаря Хана, отвѣчалъ, чпо ему нѣтъ нужды ни въ дружбѣ, ни въ ненависти Сарабаевой,

когда онъ опказалъ ему въ дочери своей. Оспашься же у Хана жить не можеть попому, что родина своя милѣи цѣлаго свѣта; тамъ оспалась у него мать, много скопа и друзей. Первую обязанъ онъ въ спароси успокоить и въ возвращеніемъ своимъ утѣшить; за другимъ, какъ хозяинъ, долженъ присмотрѣть, а съ послѣдними не можеть распашься. Ханъ, выслушавъ поль справедливыя причины, сказалъ: „благополучна мать и щаспльвы друзья, съ шобой живуціе! Я не могу имѣть дѣпей, тебѣ подобныхъ, но желалъ бы имѣть шаковыхъ внуковъ. Прощай, мой доброй Кузь-курпачъ! не забудь меня, опъ всей души тебя полюбившаго!“ При прощаніи Ханъ подарилъ ему лучшаго своего коня со всѣмъ уборомъ и вооруженіемъ. Карабаевъ сынъ, поблагодаривъ Хана и проспясь со всѣми его родспвенниками, поѣхалъ съ двумя конями къ мѣспу, условленному съ Баяною.

Бдучи пупемъ своимъ, разсуждалъ онъ о добродушномъ и дружелюбномъ Ханѣ, и о гордомъ и свирѣпомъ Сарабаѣ, опъ чего бы поль великая противополож-

ность могла произойти, что опять белой кости *) первого родился уродливой и злой нравной Ай-кара, и напрошивъ съ проспошою нрава и чистопою сердца произошла прекрасная Баяна опять толко черныя кости Сарабаевой. „О моя дорогая Баяна! вскричалъ онъ; естлибъ ты была дочь добродѣтельнаго Хана; ты была бы моею женою, и мы былибъ щасливывы! А шеперь... Я не знаю, можешь бышь, не допуспяшь тебя до условленнаго мѣста, гдѣ я ожидашь тебя буду, и ты по неволь должна разспапьясь съ швоимъ Кузь-курпячемъ и ѣхашъ съ ненавидимымъ шбою Ай-кару. А можешь бышь, ты и сама не захочешъ ѣхашъ со мною на мою спорону, и обѣщая мнѣ шо, меня обольщала. Но нѣтъ! проспи меня, Баяна, за это слово! оно не опъ души, но опъ гореспи моей вылетѣло. Не можешь бышь, чпобъ иное языкъ швой говорилъ, и иное чувствовало сердце. Это дѣлаюшь народы иносшранные,

*) Древнее башкирское мнѣніе было, что у добродѣтельныхъ были бѣлая, а у порочныхъ черныя кости.

изученные знанію всего подсолнечнаго. Такъ мнѣ рассказывала Мяскай; но ни шебъ, ни мнѣ не дано сего въ удѣль онъ Магомепа. И пакъ еспьли пресъкупся всѣ способы мнѣ съшпобой увидѣться; тогда я опшажусь напустипшся на весь ауль Сарабаевъ, и шупшь умру, или шы будешъ моя.“- Такъ разсуждая, башырь прійхаль въ условленное мѣсто уже на шрепшій день къ вечеру. Онъ спреножилъ коней своихъ и, привязавъ къ приколу, пустилъ щипашъ праву, а самъ и пици не вкусивъ, легъ въ камышь и уснулъ.

Между шѣмъ въ кочевѣ Сарабаевомъ случилось совсѣмъ неожиданное и весьма несчастное произшествіе. Уже кипѣли шамъ коплы, надъ огнемъ повѣшенныя; жирныя мяса изъ нихъ были вынуты, въ большія чаши разложены и на разосланныхъ коврахъ поставлены. Паръ онъ нихъ по землѣ распилающійся, валомъ шель въ срѣпеніе вдуцаго Хана и запахомъ своимъ приглашалъ на пиръ Сарабаевъ. Гости ласково приняли вѣспника и шоропились къ хозяину. Вдругъ

изъ - за горы Акъ-шау *) появились на рѣзвыхъ коняхъ двѣ большія аршели наѣздниковъ. Это были всѣ женихи Баяны, обиженные гордымъ опказомъ Сарабаевымъ, которые сговорясь, набрали большое число наѣздниковъ, и раздѣлясь на двѣ аршели, сильно напали на Хана и Сарабая, съ намѣреніемъ всѣхъ перерубить наголову. Ханъ, неожиданный сего нападенія, не успѣлъ приготоовиться къ оборонѣ, и едва съ немногими изъ своихъ родспвенниковъ на рѣзвомъ конѣ своемъ ускакалъ въ кочевье Сарабаево. Прочіе же всѣ, въ томъ числѣ и Сулпанъ Айкара, были переколошны. Другая аршель наѣздниковъ, напавшая на Сарабая, нашла его съ родспвенниками пѣшихъ, но съ оружіемъ въ рукахъ приготоовившихся къ оппору. Наѣздники ихъ смяли, однако и сами многіе опъ нихъ были побиты. Сарабай съ опборною дружиной, спавъ между двухъ кибипокъ, мужеспвенно защищался; но превосходное число наѣздниковъ начинало его пересиливать.

Баяна, видя въ опасности опца своего, брашьевъ и всѣхъ родспвенниковъ,

*) Бѣдая гора.

опвязала рѣзваго коня своего, пригото-
 леннаго къ единоборству съ женихомъ ея,
 пустилась, какъ сырѣла, искать своего ба-
 шыря, чпобъ онъ подалъ помощь опцу ея.
 Прискажавъ, находишь его, какъ уже сказа-
 но, спящаго, и крикомъ своимъ возбу-
 ждаетъ. Обрадованный башырь вскочилъ
 и кинулся обнять ея; но Баяна не допус-
 тивъ его до себя, съ шоропливостію го-
 воритъ: „оспановись и слушай! еспьли
 „пы меня любишь, садись на коня и
 „спаси въ опасноти Сарабая; онъ швой
 „врагъ, но мой опецъ!“— „Дорогая Ба-
 „яна! когда пы моя, у меня нпть вра-
 „говъ!“— „Я швой вѣчно!“— „И воля швой
 „исполнена!“ Съ симъ словомъ башырь
 вскочилъ на коня и полетѣлъ, какъ пши-
 ца, такъ чпо и Баяна, скажавъ за нимъ,
 вскорѣ потеряла его изъ виду. Башырь,
 доскажавъ до кочевья Сарабаева, увидѣлъ
 множество побитыхъ съ обѣихъ сторонъ
 башырей и наѣзниковъ. Сарабая нашель
 на томъ же мѣстѣ между двухъ кибит-
 покъ съ нѣсколькими поварищами, всего
 израненнаго и едва саблею отбивающаго-
 ся опъ нападающихъ наѣзниковъ. Но

сколь прискорбно ему было видѣть добродушнаго Хана на ряду со всѣми бьющагося, обезсиленнаго и израненнаго. „Свирѣ, пые Кырь-казаки! съ горестію закри, чаль онъ; за чшо вы губите Хана, доб, раго челоуѣка? Аксакалла щадящъ и дикіе звѣри!“ Съ словомъ симъ направля копые свое на первыхъ, осмѣлившихся на Хана пускащъ стрѣлы, ударилъ, выбросилъ проихъ изъ сѣдель и переломилъ копейное древко. Попомъ схвапья саблю свою, съ шакимъ проворствомъ на обѣ стороны рубилъ ею, чшо примѣчающая Баяна послѣ разсказывала :

Онъ чрезъ всю артель наѣздниковъ
 Проложилъ слѣды кровавые;
 Передъ нимъ лешѣли головы,
 За нимъ шуловища падали;
 Конь копытомъ ихъ пришапывалъ.
 Отъ будашной сабли оспрыя,
 По кольчугамъ и надглавіямъ
 Искры сыпались, струилися.

Наѣздники скоро почувствовали силу руки Кузь-курпячевой, и не могли успоаять противъ ударовъ его, пустились въ бѣгъ за гору Акъ-шау. Башырь съ жаромъ погнался за ними. Тогда Баяна,

тrepещущая Баянъ скачешъ за нимъ,
 просишь, приказываешъ ему, плачешъ и
 умоляешъ его воропиться назадъ, и не
 отваживаешъ жизнь свою; но безъ успѣха.
 Тупъ въ первый еще разъ сила красоты
 уступашъ порыву башырскому. Кузь-
 курпачъ, сдѣлавшись свирѣпѣ льва, вы-
 скакиваешъ на гору и видишь, что еще
 до припцати человекъ наѣздниковъ, сгру-
 дя всѣ пабуны и спада Сарабаевы, опго-
 няюшъ въ аулы свои. Тогда-шо

Закипѣла кровь во башырѣ,
 Загорѣлось сердце пылокое,
 Ко Баянѣ сердце нѣжное,
 Ко врагамъ ея свирѣпое.
 По подгорью онъ заскакивалъ,
 Выпереживалъ наѣздниковъ,
 И встрѣчалъ ихъ саблей острою.
 Надешашъ горнымъ кречешомъ,
 Какъ на снаю лебединую,
 Разбиваешъ всѣхъ ихъ нарочно,
 И не давъ имъ съединиться,
 Въ одиначку управляется.
 Не измѣнишь рука сильная,
 Безъ промашки сабля острая
 Даетъ раны всѣмъ смертельнымъ.
 Лешашъ головы наѣздничьи,
 Такъ какъ въ осень съ дуба жолуди.

Ужъ немного оставалось ихъ.
 Они бросили добычу всю,
 Поскакали въ свою сторону,
 Запрешя друзьямъ и недругамъ,
 Сыновьямъ своимъ и внучатамъ,
 Бараншы впередъ не дѣлаши
 На аулы Сарабаевы.

Такъ воспѣваютьъ курайчи нашего ба-
 тыря, прибавилъ разскащикъ. Но сіе пре-
 было бы неизвѣстнымъ по скромности
 сына Карабаева; еспли бы тогда по слѣ-
 дамъ его скачущая Баяна, оставя опца
 и братьевъ умирающихъ, не видала, стоя
 на горѣ, всего дѣйствія. Здѣсь-то на-
 смопрѣлась она на своего сокода; по
 радовалась, по пугалась, смѣялась и
 плакала попеременно; и не прежде у-
 спокоилось сердце ея, пока Кузь-курпачъ
 разогналъ всѣхъ наѣздниковъ. Тогда она
 поскакала помогать израненнымъ опцу
 и братьямъ своимъ, и разсказала все про-
 изшедшее.

Между шѣмъ батырь, отбивъ всѣ
 шабуны и спада Сарабаевы, подогналъ
 ихъ обратню къ кочевью его. Увидя Ха-
 на, лежащаго безъ памяти и безъ помо-
 щи, сердце его облилось кровію, и слезы

покапились по щекамъ его. Мгновенно бросился съ коня своего, и взявъ чистой воды, опрыскалъ его оною. Ескорѣ Ханъ началъ приходипь въ память; а багырь продолжалъ омыватъ запекшуюся кровь около раны его, и приложя цѣлительной травы, не нашель, чѣмъ перевязать рану его: ибо тогда не имѣлъ при себѣ и другаго плашка, кромѣ подареннаго шайно Баяною. Но для любимаго не жалѣется любимое. Багырь подаркомъ прекрасной Баяны перевязалъ рану добродушнаго Хана: ибо Ханъ и Баяна оба прогали его сердце, но только съ разныхъ споронъ.

По нѣкоторомъ времени, когда Ханъ совершенно опамяповался, по схватилъ руку у багыря и прижавъ ее къ груди своей, сказалъ: „обними меня, сынъ мой и избавитель! всякая благодарность моя и награда была бы недосташочна для твоего мужества и добродушія. Одинъ Алла и великій пророкъ могутъ воздать тебѣ за оныя. Предчувствовало сердце мое ожидая опъ тебѣ поль великія услуги, и душа моя не различно желала бышь

съ побою. Я увидѣлъ тебѣя и полюбилъ; смопрѣлъ на мужество швое и удивлялся ему; слышалъ усердіе швое къ маперіи и друзьямъ швоимъ, и завидовалъ имъ, а прощаясь съ побою въ душевной былъ гореспи. По симъ чувспвамъ суди, мой сынъ, о моей благодарности. “- Юное сердце сына Карабаева не могло не почувствовать состраданія къ доброму Хану, аксакалу, произносящему сіе съ сердечнымъ чувспвомъ и слезами. Батырь не могъ укрѣпиться и самъ зарыдалъ.-, Не безпокойся, отецъ мой, благодарить меня, сказалъ онъ; это есть болѣе долгъ, нежели услуга, пребующая благодарности. Я долженъ благодарить и усердно благодарю великаго Пророка за спасеніе швоей жизни, и почиаю себя щаспливымъ, что не иному, а мнѣ было предопредѣлено исполнить сіе дѣло.“ Батырь обнималъ его кольна, а шопъ цѣловалъ его голову.

Посемъ Ханъ захотѣлъ видѣть Сарабая, и просилъ Кузь-курпяча проводить себя къ нему. Отецъ Баяны сидѣлъ между множествомъ убишыхъ и раненыхъ род-

спвенниковъ и омывалъ водою раны свои. Увидѣвъ подошедшаго бапыря, сказалъ: „ мужественный бапырь и великодушный избавитель! я не доспоинъ швоихъ благодарній “ - „ Я это знаю, опвѣчалъ бапырь; но ты отецъ Баяны: “ - „ Ты вмѣсто мщенія спасъ жизнь мою, дѣшей моихъ, родспвенниковъ и, не довольспвуясь симъ, возврапилъ мое имущество “ - „ Сарabay! ты опцу моему нѣкогда поже говорилъ. “ - „ Я много передъ нимъ виновать; чувствую свою неблагодарность, что не исполнилъ слова, другу моему даннаго: но обычай нашъ, что Ишпяки у всѣхъ нашихъ бапырей въ презрѣнii, можешъ оправдать меня; и я думалъ, что понесу укоризну выдавъ за себя дочь мою (*). “ - „ Еспшли вашъ обычай, возразилъ Башкирской бапырь, сдѣлалъ себя лжецомъ неблагодарнымъ и заспавилъ презирашь меня и ненавишь; по нашъ обычай велитъ мнѣ забыть злбу швою и презрѣнiе, и видя себя въ опасности, избавишь опъ омыя. “ - „ Избави-

(*) Сiе гордое мнѣнiе Киргизцевъ нынѣ весьма унизилось. Многiе изъ нихъ находящiяся у Башкирцевъ въ рабочникахъ для прокормленiя себя.

пель мой! благодарьпель мой! чѣмъ шебя наградишь за великодушнѣ швое?“-,,
 Оставь злобу, опдай Баяну и будь моимъ другомъ!“-,, Баяна швоя, вскричалъ Киргизской башырь, и всѣ шабуны мои шебъ; я швой другъ и швой шеспь; да будешъ сему свидѣпель великій Пророкъ!“
 Пошомъ башыри обнялись и возобновили дружбу. Буркупъ-бай и Барлыбай, сыновья Сарабаевы, оспались живы, но шяжко ранены; а когда они и родшвенники въ здоровьѣ поправились, шогда Сарабай объявилъ имъ намѣреніе свое-выдать Баяну, дочь свою, за башыря и за избавишеля ихъ Кузь-курпяча. Всѣ на волку его согласились и свадьбу совершили. Барлыбай, любя друга своего Кузь-курпяча и сешпру свою Баяну, часшо говаривалъ сей послѣдней смѣючись: ,, спасибо шебъ, сешприца, что ты башыря пришянула сюда за ухо; а то бы лежа въ земль не шировалъ намъ и свадьбы швоей.“—

Конецъ I й гашти.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Симъ оканчивается рукописная башкирская повѣсть, Курайчель собранная, по переводѣ которой омыскаль я и началъ уже переводить и вторую оныя часть, въ которой Курайчъ, окончавъ повѣсть о родоначальникѣ Башкирскаго племени, начинаетъ продолжатъ о его потомкахъ. И естли сія первая часть, мною переведенная и въ свѣтъ изданная, читателями будетъ благосклонно принята; то и вторая вскорѣ за нею можетъ двинуться. Тотъ же, кому я приношу теперь немногій трудъ сей, естъ помощь моя и воздаяніе.

Тимофей Бѣлевъ.

Опечатки. Страница VI, сверху строка 13, вмѣсто я должно бытъ и -- VIII, 8 вторичный д. споричный -- 44, 6 буйны д. буйный -- 51 сн. 7 подадливый д. подащливый -- 72 сн. 3 испытываютъ д. испытываютъ -- 80, 12 *) д. *); -- 82, 8 Курпачъ д. Курпачъ, -- 84 сн. 7 ее д. нее -- 93 сн. 7 шумомъ д. шумомъ -- 96, 4 Курманъ д. Курмакъ -- 99, 2 Водшедь д. Вошедь -- 102 сн. 5 разн. д. на разн. -- 105 сн. 5 предпримч. д. предпримч. -- 106, 8 сидный д. сильный -- 110, 8 созиданіи д. созиданіи -- 111, 7 Падишъ д. Падишъ -- 122 сн. 5 закрыч. д. закрич. -- 124 сн. 10 половина д. половины -- 144 сн. 1 споль д. о споль -- 152, 2 новязи д. коновязи -- 156, 1 Барыбай д. Бардыбай -- 156, 12 и далѣе, вмѣсто Жилкичи напечатано Жилчики.

WIDENER LIBRARY

HX 6C6F 3

